

The book cover features a dark, atmospheric background with swirling smoke or mist. In the upper left, a palm frond hangs down. In the lower right, a cityscape is visible, with one building brightly lit from within, casting a warm orange glow. The author's name is centered in the upper half, and the title is at the bottom.

ВАДИМ ПАНОВ

АНГЕЛ МЕРТВЕЦА

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Вадим Юрьевич Панов

Ангел мертвеца

Серия «Тайный Город», книга 34

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68447236
2022

Аннотация

Цикл «Тайный город» – это городское фэнтези, интриги и тайны другой стороны Москвы; преданные поклонники, фанклубы, экранизации и настольные игры. Одна из самых долгих книжных серий в фантастике и фэнтези.

«Ангел мертвеца» – юбилейный, 30-й роман автора. Прямое продолжение книги «Тёмные церемонии».

Сражение не было выиграно – Лисс, Джера и Бри всего лишь не позволили Консулу победить. Война за Тайный Город не была выиграна – но она началась, и поражение в ней подобно смерти. Противники готовятся к тяжёлым боям, но случилось то, чего никто не ожидал: война вернула к жизни грозные Тёмные церемонии, и над развернувшейся схваткой мрачной тенью поднялась та, которую даже ангел называет Господь. Та, чья мощь сравнима с силой самого Спящего. Та, чьё Слово может изменить Вселенную. Если будет

произнесено. Самопожертвование, любовь и древние кости в прямом продолжении романа «Тёмные церемонии».

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	144
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Вадим Панов

Ангел мертвеца

Пролог

Чудесны старые московские переулки. Короткие, в один-два дома, и длинные, походящие на быстро закончившиеся улицы; извивающиеся, как кудри красотки, и прямые, острым стилетом; умиротворённые раскидистыми деревьями и закованные в бетон и кирпич... Сплетение старинных переулков, незаметно переходящих один в другой, сливающихся с улицами и вытекающих из них уже с другим именем, а то превращающихся в тупички, из которых, кажется, нет никакого выхода... Древний московский центр формирует неповторимый узор прекрасных зданий и таинственных ощущений, которые, кажется, только усиливаются благодаря смешению совершенно несочетаемых строений, которыми на протяжении ста последних лет разрывали ткань старого города архитектурные психопаты. Двухэтажные торговые домики соседствуют со стеклянными фасадами офисных центров; доходные дома – с уродливым бетоном бездарнейших архитекторов семидесятых годов XX столетия, которым следовало бы проектировать всемирную штаб-квартиру Цирка уродов, а не столицу прекрасной страны.

Старые московские переулки чудесны... и таинственны.

И не только по ночам, когда в тенях нечастых фонарей невозможные образы рождаются на каждом шагу и всё вокруг становится иным, но и вечерами, когда кисточка сумрака проходит по Москве первыми мазками, постепенно смывая будничные краски дня с облика Тайного Города. Ещё более древнего и загадочного, чем русская столица. Жизнь в нём кипела и при солнечном свете, однако тени аккуратно вырезали Город из полотна обыденности, и порой получалось так, что разглядеть его истинное лицо можно было даже без «различителя», позволяющего тем, кто не владел магией, видеть сквозь морок...

Разглядеть то, что в действительности происходит в таинственных московских переулках... тупичках... и двориках...

Зачем, к примеру, так долго не уезжает на заслуженный ночной отдых мобильная кофейня «Весёлое утро»? Хотя сегодняшнее утро давным-давно осталось в стрелках часов, а сидящий на раскладном стульчике владелец – или служащий? – подвижного заведения не выглядел особенно весёлым. Это был худощавый черноволосый парень лет двадцати, обыкновенно одетый – джинсы, кроссовки, футболка, – а отсутствие на его лице признаков веселья объяснялось тем, что продавец был полностью поглощён чтением бумажной книги, на суперобложке которой любопытствующие могли с лёгкостью прочесть название: «Как правильно смотреть на

мир не открывая глаз?» Читал он внимательно, периодически делая пометки карандашом и крайне редко отвлекаясь на работу – только если подходили новые клиенты. А постоянные знали правила: либо клали в ящик наличные, сами выбирая из неё сдачу, либо скидывали деньги на карточку, после чего брали бумажные стаканчики и нажимали на нужную кнопку. Если судить по количеству постоянных клиентов, кофе черноволосый любитель книг готовил отменный, дополнительным плюсом служил огромный выбор специй, вызывающий не только удивление, но и подозрения у служителей закона, из-за чего мобильную кофейню не реже одного раза в день обнюхивала натасканная на наркотики собака из ближайшего полицейского участка – просто проходя мимо. Собаку продавец знал и всегда угощал печеньем, собака печенье принимала, но обнюхивала специи тщательно. В итоге все оставались довольны.

Незадолго до полуночи поток клиентов изрядно оскудел. Читать тоже стало неуютно, несмотря на то, что парень включил настольную лампу как только стало темнеть, поэтому он отложил книгу, проверил состояние счёта, затем оглядел коробку с деньгами, удовлетворённо хмыкнул, поднялся, потянулся и... улыбнулся проходящей мимо девушке. Худенькой и востроносой, которая медленно шла по переулку, разглядывая дома. По «Весёлому утру» она скользнула равнодушным взглядом, однако задержалась, услышав:

– Последний стаканчик лучшего кофе в городе, красави-

ца! Неужели вы пройдёте мимо?

Проведя весь день за книгой, продавец изрядно заскучал и был не прочь пообщаться. Девушка, в свою очередь, хоть и остановилась, но промолчала, глядя на парня так, словно не понимала, чего он хочет. Или же пыталась понять, хочет ли кофе.

– Существует распространённое заблуждение, что пить кофе следует только по утрам – для бодрости, но поверьте: это полная ерунда. В моём чудесном заведении можно выбрать любую из невероятного количества специй, которые не только придадут вашему кофе новый вкус – либо подчеркнут его собственный, – но позволят взбодриться или расслабиться, немного успокоиться или развеселиться, незаметно и быстро заснуть или оставаться на ногах до утра. Всё зависит от ваших планов на вечер. Вы, кстати, уже решили, где мы будем ужинать?

– Я не голодна, – коротко ответила девушка. После чего медленно подошла к кофейне и попросила: – Чёрный, без сахара, средний стакан.

Чем изрядно воодушевила продавца.

– В таком случае рекомендую посыпать ваш кофе порошком аппетита. Бывает так, что мы сильно устаём за день, или жара, или депрессия, во время которой ничего не хочется, но есть, как вы понимаете, надо. Щепотка этого порошка... – Парень кивнул на баночку с чем-то розоватым. – Не только сделает вкус напитка утончённым, но и напомнит организ-

му, что пора ужинать. А что может быть лучше ужина в моей компании?

– Я не голодна, потому что только что перекусила, – улыбнулась девушка.

– И здесь вам поможет смесь «Лёгкость»...

– Хинус, ты по-прежнему барыжишь дурью собственного приготовления?

– Чтоб вас Спящий к проктологу отправил, – едва слышно пробормотал продавец.

Он не испугался, но было видно, что появление троицы мощных молодых ребят – все они были рыжими, только разных оттенков – парня не обрадовало.

– Вы знаете, что это не дурь, – громко ответил он, не оборачиваясь, и тихо сказал девушке: – Вам лучше уйти.

И услышал совершенно неожиданный ответ:

– Я жду кофе. С «Лёгкостью».

Неожиданный и совершенно спокойный. Услышал, но удивиться ему так, как должен был, не успел – рыжие подошли к кофейне, и их вожак осведомился:

– Что за девчонка?

– Левая, – ответил Хинус.

– Пусть уйдёт.

– Я жду кофе, – ровно повторила востроносая.

– Дерзкая, – сказал второй рыжий.

– Смелая, – не согласился с ним третий.

Они посмотрели на вожака, а вожак неожиданно сказал:

– Мы подождём. – Дав понять, что «дело» у него только к продавцу, а трогать девчонку, которую он решил считать смелой, а не дерзкой, не собирается. Его приятели с решением согласились – молча, а востроносая – нет. И с прежним спокойствием сказала:

– Нет, вы уйдёте. Мы с Хинусом собирались поужинать.

На несколько мгновений вокруг кофейни воцарилась тишина, после чего вожак с улыбкой предложил:

– Поужинаете, когда он выйдет из больницы.

– Нет, сегодня.

Рыжие заулыбались, а второй спросил продавца:

– Так она «левая» или нет?

– Только не надо мне указывать, кому назначать свидания.

– То есть мы не вовремя?

– В общем, да.

Тем временем автомат пискнул, и все посмотрели на готовый кофе.

– Щепотку «Лёгкости», – напомнила девушка.

– Да у тебя не нервы, а стальные канаты, – с уважением произнёс вожак.

– У меня их вообще нет, – ответила востроносая, наблюдая за тем, как Хинус исполняет её просьбу. Руки у парня не дрожали.

– Ну, это ты себе льстишь, конечно, – улыбнулся второй. – Просто они у тебя крепкие.

– Просто вы не знаете того, что знаю я, – улыбнулась де-

вушка. – Вам известны лишь классические формы организмов, да и то не вам, а Хинусу, который зубрил их много лет подряд. Он бы мог вам рассказать, что даже в нынешней версии природы существуют лишённые нервной системы организмы, однако им недоступна высшая деятельность. Но повторяю: это связано всего лишь с недостатком знаний и отсутствием образцов для исследований. С другой стороны, вам проще и легче предположить, что я уверена в себе и в том, что вы либо сделаете то, о чём я попросила, либо...

– Либо что?

– Откуда ты знаешь, что я учусь на доктора?

– Что это за девчонка?

– И половинку ложечки сахара, пожалуйста.

– Конечно. – Окончательно растерявшийся Хинус положил в стакан сахар и размешал.

– Просто уходи, – попросил вожак и легко прикоснулся к плечу девушки.

Он действительно не хотел ничего плохого, просто чуть усилить давление, чтобы незнакомка поняла, что шутки закончились и ей тут делать нечего. Не хотел. Поэтому и с ним ничего особенно дурного не произошло – вожак просто отлетел на три ярда в сторону и врезался спиной в стену дома.

– Ого!

Это воскликнул Хинус. В принципе, оставшиеся на ногах рыжие тоже могли издать какие-то звуки, но не успели: отбросив главного, востроносая мгновенно повернулась

и столкнула их головами. Повернулась, одновременно разведя в стороны руки, схватила парней за головы и врезала друг в друга. Учитывая, что рыжие стояли в паре ярдов друг от друга, а ростом девушка едва дотягивала парням до плеч, как она сумела повернуть этот фокус, было абсолютно непонятно. А заметить Хинус не успел, потому что повернула она его с невероятной скоростью: повернулась – стук голов – повернулась и улыбнулась:

– Это мой кофе?

– Да, – кивнул парень.

– Спасибо. – Она взяла стакан. – Извини, но с ужином не получится.

– Я... я понимаю.

– А тебе, наверное, лучше уехать.

– А они?

– Скоро очнутся, – пожала плечами востроносая. – Рыжие крепкие, да и по башке получать привычные. – Сделала маленький глоток и кивнула: – Очень хороший.

– Спасибо. – Хинус кашлянул. – Кофе это у меня хобби, и чтобы смеси придумывать разные, ну и так, для денег... Я ведь на врача учусь.

– Я видела, что написано в твоей книге.

– На обложке?

– Нет, внутри. – Девушка вновь улыбнулась, неожиданно потянулась, поцеловала Хинуса в щёку и сделала шаг назад. – Пока.

– Кто ты? – выпалил он.

И услышал:

– Ангел.

– Как тебя зовут?

– Крода! – Девушка тихонько рассмеялась и свернула за угол, оставив парня растерянно разглядывать оглушённых рыжих.

Глава 1

«Как стало известно нашей редакции, в связи с участившимися случаями вандализма федеральное Министерство внутренних дел разослало по всем регионам особое предписание, требующее провести проверку находящихся в зоне ответственности территориальных полицейских управлений кладбищ и принять дополнительные меры по охране...» («РБК»)

«Так что же случилось в подземельях Солянки, за что был арестован центур Машар – один из высших офицеров Внутренней Агемы, куда исчезла Джира и что будет дальше? Об этом поговорим сегодня с лучшими аналитиками Тайного Города, временно находящимися за его пределами...» («MG online»)

«Расследование событий «ночи MG» продолжается, и виновным в совершении преступлений предъявляются обвинения. Вчера были задержаны два молодых люда, подозреваемых в нападении на факторов Внутренней Агемы, а сегодня утром стало известно об аресте Клемента Луминара, видного представителя семьи Масан, обвиняемого в безосновательном убийстве трёх протестующих...» («Тиградком»)

Межотраслевая генно-седативная лаборатория

корпускулярных технологий ФПП

Москва, Малый Власьевский переулок

Чудесны старые московские переулки и особенно — в самой глубине своих эклектичных переплетений, прогуливаясь по одному из которых можно полюбоваться зданием, исполненным высоким сталинским стилем, пройти мимо прямоугольника многоквартирного жилого дома и наткнуться на прекрасно сохранившийся особняк XIX века. Пусть старый, но ухоженный, не подвергнутый ни лубочному обновлению, превращающему благородный хлеб в яркие и потому кажущиеся ненастоящими пряники; ни варварской перестройке ради «сохранения исторического фасада», после которого над прекрасным домом вырастает злокачественная опухоль современной башни. Особняк сохранился и продолжал спокойно жить на своём месте в бурную эпоху целенаправленного уничтожения памятников архитектуры, и в этом, возможно, ему помогла принадлежность к странной организации, о чём говорила бронзовая табличка справа от входной двери:

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ

ГЕННО-СЕДАТИВНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

КОРПУСКУЛЯРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ФПП

Судя по тому, что особняк не только сохранился, но и не перешёл в собственность какого-нибудь приватизатора, ФПП зорко следила за сохранностью своей лаборатории. Хотя в действительности никакого ФПП никогда не существовало, а сокращение изобретатель таблички – Леонид «Тыже-умер» Клопицкий, просто выдумал, чтобы поставить жирную точку в тексте... Все остальные слова которого он тоже придумал.

Лёня был величайшим артефактором в истории Тайного Города, заслуги которого признавали даже Великие Дома. И даже – эталонным артефактором, поскольку ничего, кроме как изготавливать магические устройства, он делать не умел, зато их создавал виртуозно. И дом свой, постепенно, шаг за шагом, превратил в один гигантский, невероятно сложный

артефакт, в задачу которого входило... всё. Абсолютно всё, начиная от потакания импульсивному хозяину и заканчивая его защитой.

С чем дом однажды не справился...

И в целом полностью соответствовал Тыжеумеру, представляя собой нечто среднее между выставкой новейших достижений в создании артефактов, смешного ярмарочного аттракциона с непредсказуемыми последствиями и ловушками для кроликов.

Лиссет Кумар, юная шаса, первая и последняя ученица Клопицкого, которой дом достался по наследству, не стала в нём ничего менять – просто не нашла в себе сил, – и потому жители Тайного Города вели себя в обители артефактора с привычной осторожностью. Старались ничего не трогать, взглядом ни с чем и ни с кем не встречаться, а кричать – только шёпотом.

– Лисс! – негромко позвал Хинус, приоткрыв входную дверь, но не рискуя входить в большой холл. – Лисс, это я!

– Я! – отозвался дом. – Я! Я?

– Я, – зачем-то уточнил юноша.

– Я, я, я... – подтвердило эхо.

А когда оно растаяло, в доме вновь стало тихо-тихо, словно Хинус и не думал тревожить его своим шёпотом.

– Опять то же самое, – пробормотал юноша, делая маленький шаг вперёд. И замер, услышав, как захлопнулась входная дверь. Хотел выругаться, но не успел, оказавшись в полной

темноте, и вместо тихой, но крепкой ругани из него вырвалось тоскливое: – Лисс...

– Свежее мясо! Свежее мясо!

Возбуждённое восклицание заставило Хинуса подпрыгнуть и попытаться прижаться к стене, но в темноте юноша перепутал направление, шагнул не в ту сторону и едва не упал.

– Свежее мясо! – Мимо Хинуса промчалась изрядных размеров крыса в ночном колпаке и распахнутом халате. В левой передней лапе крыса держала фонарь, а в правой металлическую миску с надписью «Mickey Rat», которой и позвякивала, периодически стуча ею о плитку пола. – Свежее мясо!

– Проклятье...

– А что ты хотел – время ужина, – громко сказал кто-то прямо на ухо юноше, заставив его подпрыгнуть повторно.

– Кто здесь?

– О чём ты сейчас подумал?

– Ты что, психотерапевт?

– Нужна кушетка?

– Это безумие какое-то.

– Да, я – психотерапевт.

– Киви, перестань издеваться над моими друзьями!

– Лисс! – взвыл несчастный. – Лисс, пожалуйста, прекрати всё это и спаси меня!

– Хинус, успокойся, ты в моём доме! Здесь тебе ничего

не грозит.

– Я бы не был в этом так уверен, – не согласился прежний голос.

– Киви! Кому сказала!

На этот раз в голосе девушки звякнул такой металл, что Киви пришлось подчиниться. Свет неожиданно включился, резанув по глазам, и Хинус обнаружил себя на телефонной тумбочке, нежно прижимающим к груди чучело крупного белого попугая. Впрочем, чучелом юноша считал птицу недолго. Ровно до тех пор, пока попугай не завопил:

– Обнимашки!

После чего Хинус выпустил птицу и выругался, узнав гремевший в темноте голос.

– Скотина.

– Что ты делаешь на тумбочке? – поинтересовалась Лисс.

– И куда ты дел телефон? – поддакнул Киви.

– Телефона там никогда не было.

– Когда-то был, только его во что-то переделали... Не помню во что.

– Хорошо же ты встречаешь друзей, – пробурчал Хинус, спускаясь с тумбочки.

– Надо было предупредить о визите, – вздохнула девушка.

– Я был неподалёку и решил заскочить, угостить тебя кофе.

– Это он только что приехал на уродливой тачке, которая с утра стоит под окнами, – сообщила наглая птица. – И портит

вид на город.

– На переулок, – поправила его Лисс.

– Разве это не город?

Девушка махнула рукой, показав, что давно перестала надеяться переспорить попугая, и обратилась к другу:

– Ты купил мне кофе?

– Сам сварил, – гордо ответил Хинус. – У меня ведь своя мобильная кофейня! Забыла?

– Ты не говорил.

– Пару месяцев как.

– Зачем?

– Во-первых, лёгкие карманные деньги. Во-вторых, тренируюсь создавать сухие смеси. У меня экзамен скоро.

Хинус был эрлийцем, то есть потомственным врачевателем, но поскольку его семья, Эрли, так же, как и Шась – семья Лиссет Кумар, были подданными Тёмного Двора, Хинус отличался здоровым прагматизмом: зачем просто так делать смеси, если их можно продавать? То есть проверять результат не на себе и не бесплатно.

– Нет, не наркотики, если ты вдруг подумала, просто разнообразные добавки в кофе.

– Собирается стать крупным поставщиком БАДов, – прокомментировал Киви. – Создаст стартап, устроит шумиху, продается крупной корпорации и уедет жить на Фиджи.

– Почему на Фиджи? – не понял Хинус.

– А почему нет? – вопросом на вопрос ответила птица. –

Все вы только и думаете, как побыстрее свалить на Фиджи.

Несколько мгновений эрлиец смотрел попугаю в глаза, понял, что не пересмотрит, и перевёл взгляд на Лисс:

– Он не кусается? У моего дяди тоже ара, так он из меня однажды кусок мяса вырвал.

– Просто так вырвал? – скрипучим голосом осведомилась птица.

– Просто так, – подтвердил Хинус, не глядя на него.

– Дразнил небось?

– Ну... я маленький был.

– Ты с тех пор мало изменился, – сообщил попугай. – А за дразнилки я бы тебя так заклевал...

– Нет, Киви не кусается. – Лисс выразительно посмотрела на птицу. – Он вообще чучело.

Птица ответила не менее выразительным взглядом и воинственно подняла гребень. Но решила не молчать и осведомилась:

– А где кофе?

Хинус посмотрел на пустые руки и улыбнулся:

– Ну, могу сделать. Я ведь не знал, какой тебе захочется.

– Никакого, – мягко ответила Лисс и взяла юношу за руку. – Пойдём в гостиную.

И устроившись в кресле напротив плюхнувшегося на диван эрлийца, продолжила:

– Я редко пью по вечерам кофе.

– Я могу добавить щепотку одного порошка...

– Обойдёмся без твоих порошков. Просто скажи, зачем приехал?

– И не ври мне тут, – добавил попугай, устраиваясь на вделанной в стену жёрдочке – посадочных мест по дому было рассыпано в достатке.

– Он будет слушать наш разговор? – нахмурился юноша.

– Я могу его выгнать, но он всё равно подслушает.

Хинус посмотрел на Киви, Киви пожал крыльями и принял самый дружелюбный вид из всех ему доступных.

– Ладно, – сдался эрлиец. – Ну... у меня действительно есть пара дел.

– Не стесняйся.

– Первое связано с моим нынешним бизнесом.

– Прости, но я ничего не понимаю ни в смесях, ни в кофейном рынке, – вновь улыбнулась Лиссет.

– Мне нужна другая помощь.

– Какая?

– Дело в том, что я... – Хинус бросил взгляд на попугая, вздохнул, окончательно смирившись с его присутствием, и продолжил: – Дело в том, что есть трое рыжих, которые...

– Достают? – негромко спросила девушка, поняв, что эрлийцу трудно просить о подобной помощи.

– Очень.

– Они из Агеми?

– Нет, просто хулиганы, которые решили, что стало можно.

Созданный Консулом Альянс изменил расстановку сил в Тайном Городе. Навы, основатели Тёмного Двора, под защитой которых эрлийцы, шасы и прочие вассальные семьи чувствовали себя в полной безопасности, заперлись в Цитадели. Они помогали Сопротивлению всем чем могли, но сами штаб-квартиру не покидали из опасения услышать «слово князя» и стать его верным подданным. И в их отсутствии активизировались те, кто по тем или иным причинам принял Альянс – они упрекали вассальные семьи тёмных в «ненужном» сопротивлении, и хулиганы, которые просто пользовались удобным случаем обидеть или оскорбить, зная, что им за это ничего не будет. Хулиганами чаще всего становились глуповатые юнцы.

– И что ты от меня хочешь?

– Артефакт для защиты.

– Боевой?

Просьбу Хинус выдохнул весьма жёстким тоном, а услышав логичный и более чем обоснованный в данной ситуации вопрос, неожиданно стушевался, вернувшись к прежней неуверенности.

– Но они ведь ничего такого не применяют, просто...

– Достают.

– Да.

– Хочешь проучить их в ответ? – медленно спросила девушка.

– Да.

– А ты уверен, что после того, как ты их проучишь, без членовредительства, конечно, они не поднимут ставки? И в следующий раз тебе понадобится боевой артефакт?

– Думаю, я сумею им воспользоваться, – неожиданно ответил Хинус. И Лисс поняла, что сумеет, – после «ночи МГ» её друзья стали жёстче. Однако это был не тот ответ, на который она рассчитывала, поэтому девушка задала следующий вопрос:

– А кто из вас сумеет раньше?

И так заставила эрлийца задуматься.

– Напоминаешь, что они лучше подготовлены?

– Они действительно лучше подготовлены.

– Я знаю. – Хинус тяжело вздохнул. – И что мне делать? Терпеть?

– Позови ребят из «Михельсона» и обязательно чуда, – предложила Лисс. – Покажи хулиганам, что ты не один.

– Подраться с ними?

– Нет, поговорить. Подраться – если потребуется, но в первую очередь поговорить. Пусть они увидят, что ты не один. Пусть поймут, насколько отвратительно их поведение.

– Думаешь, сработает? – неуверенно спросил эрлиец.

– Надеюсь, что сработает.

– Или твои дружки им наваляют, – встрял в разговор Киви. – Если хулиганов трое, то позови шестерых.

– Вижу, ты в этом разбираешься, – съязвил Хинус.

Попытался съязвить.

– Я тоже был маленьким, – ответил попугай и разинул клюв в улыбке. В смысле, он просто разинул клюв, но эрлиец был уверен, что птица улыбается.

И вновь посмотрел на девушку:

– Спасибо, Лисс, я подумаю над твоим предложением... Оно кажется правильным.

– Обращайся. – Шаса откинулась на спинку кресла. – Чаю попьём? Или ты уже уезжаешь?

Она догадывалась, что не уезжает, что история о хулиганах нужна была парню для того, чтобы перейти к настоящему разговору, и не ошиблась:

– Я хотел поговорить о «Михельсоне», о том, что там происходит.

– А что там происходит? – ровным голосом поинтересовалась девушка.

– Все затаились и ждут, что будешь делать ты.

– Почему я?

– А кто?

Ну, да, всё верно – она. Точнее, не только она: все ждут, как поведут себя после «ночи MG» и событий на Солянке Лисс и Джира. Бри для участников Сопротивления пока оставалась в тени, а вот шаса и боевая ведьма засветились очень сильно. Джира ярче – она стала настоящим знаменем Сопротивления для всего Тайного Города, открыто бросив вызов Консулу. А Лиссет... Лиссет, так уж получилось, стала неформальным лидером «Михельсона», где собирались мо-

лодые противники Альянса. Лисс призывала их к активным действиям, а теперь заперлась в доме и вот уже два дня не кажет нос на улицу.

И дождалась гонца.

От тех, кто ей поверил.

От тех, кто рискнул.

От тех, чьи друзья погибли в «ночи MG».

Они хотели знать, что дальше. А она... она не могла сказать, что сама не знает, что дальше, потому что получила от Консула полное прощение. Одноразовое, но полное, стоившее ей так много, что лучше было бы умереть там, в подземельях Солянки, чем знать, что ради её спасения Дориан пожертвовал собой.

Но получилось так, как получилось: Дориан пожертвовал собой, она получила прощение и теперь... и теперь не высывается на улицу, потому что слово Консула крепко, но слово прозвучало так: полное прощение за всё, что Лисс совершила до разговора в подземелье. Любое следующее преступление будет жестоко наказано. Вот она и сидит в доме... Не зная, что делать дальше. И пытаюсь разобраться, что она сейчас: испугалась и спряталась? Или затаилась? Хочет ли войны или два суровых испытания: «ночь MG» и сражение в подземельях Солянки наглядно продемонстрировали ей хрупкость, а главное – ценность жизни. Не только её собственной, но и жизни друзей, которых она призывала к сопротивлению.

К войне...

И призывала так хорошо, что они, кажется, готовы продолжать и прислали к ней гонца... Конечно, прислали, они ведь не знают про её договорённость с Консулом.

Точнее, про договорённость Дориана, которому Консул почему-то решил сохранить жизнь и предложил сдаться в обмен на полное прощение любимой.

«Дориан...»

– Многие уехали из Города, – продолжал тем временем Хинус. – Ну, в основном те, кто был замешан в убийствах факторов Агеми. Ты ведь слышала, что Консул приказал массово применять при расследовании «поцелуй русалки»?

– Да, слышала.

– Я не имею ничего против того, чтобы целоваться с блондинками, но «поцелуй» гарантированно вскрывает правду...

И нет никакой защиты, ни обычной, ни магической, даже у сверхмощного колдуна: если зелёная ведьма вцепится в твои губы – ты расскажешь всё, что она захочет знать. И расскажешь искренне. А за убийство фактора предусматривалось одно наказание – смерть.

– А что остальные ребята? Те, что остались?

– Консул сказал, что страница «ночь MG» перевёрнута, и не станет преследовать тех, кто просто выражал недовольство появлением Альянса... Как он уточнил: «были обмануты пропагандой»... Ты что, вообще новости не смотрела?

– Прости, нет. Не было желания на это смотреть.

Ответ вызвал понятное удивление:

– Понимаю, но...

Однако Лисс поспешила перебить юношу:

– Вы поверили обещаниям Консула?

– А что нам остаётся? – развёл руками Хинус.

Действительно, что?

Случившееся приказано считать естественным эмоциональным всплеском. Гормоны заиграли, потянули на подвиги, потребовали срочного самовыражения, плюс подключились умелые пропагандисты Тёмного Двора, и всё покатилося снежным комом. Выступление получилось кровавым, утреннее похмелье – тяжёлым, захват участников и непонятные для большинства жителей Тайного Города события в подземельях Солянки – страшными, и все ждали, что будет дальше.

А дальше наступила тишина.

Случившееся приказано считать естественным эмоциональным всплеском.

И все почувствовали облегчение. Не сразу, но почувствовали. И те, кто не был причастен к смерти факторов Внутренней Агемы, этому порадовались. И этот результат был самым важным – они обрадовались тому, что «не потеряли голову». Обрадовались возможности «жить нормальной жизнью».

– Не обидишься, если я спрошу... – Хинус помялся. – Ты что, боишься выходить из дома?

– Мне нужно подумать и решить, что делать дальше.

– Так я и подумал, – кивнул эрлиец. – А что говорит Джигра?

– Мы не виделись... и не разговаривали.

– Она тоже спряталась?

Киви щёлкнул клювом и выразительно посмотрел на Лисс. Но девушка и сама знала, что настало время ответить максимально чётко и по делу. И твёрдо ответила:

– Хинус, будем откровенны: наша атака провалилась, Консул показал силу, показал, что не будет колебаться в её применении, но одновременно готов к разумным компромиссам. Он действует очень грамотно. Впрочем, ничего другого от него ждать не приходится: не будь Консул умным, не сумел бы свалить два Великих Дома и запереть в Цитадели третий.

– Что это значит? – растерялся юноша. – Нам нужно отступить? Сдаться?

– Это значит, что к следующему разу нужно тщательно подготовиться, потому что больше он нас прощать не станет.

В этом Лисс была уверена на сто процентов.

– То есть следующий раз будет? – сообразил Хинус. – Мы не сдаёмся?

– Навы по-прежнему сидят в Цитадели. Великий магистр Ордена скрывается. Многие высшие маги покинули Тайный Город и наверняка связались друг с другом, обсуждая дальнейшие шаги. Тайный Город – их дом, Тайный Город – наш

дом, и я не сомневаюсь в том, что Консулу будет брошен вызов. Так что да, Хинус, ещё ничего не закончено и следующий раз обязательно будет.

– И ты предлагаешь ждать?

– Я предлагаю не торопиться.

– Ребятам это не понравится.

– Ребятам нужно проявить благоразумие.

– Ты стала говорить, как родители. Раньше ты такой не была.

Да, раньше Лисс говорила совсем иные слова. Но теперь многое поменялось, и сделка с Консулом была лишь одной из причин, по которой девушка заговорила «как родители».

– Меня изменили смерти ребят, – медленно произнесла она, глядя юноше в глаза.

– А нас? А меня?

– На этот вопрос я не могу ответить, Хинус, зато могу сказать, что не предлагаю обо всём забыть. Я предлагаю выдержать паузу.

Попугай важно кивнул головой и поёрзал на жёрдочке.

– Ты знаешь, чем это, скорее всего, закончится, – ответил эрлиец. – Эмоции схлынут, смерти друзей забудутся, ребята вспомнят, что нужно учиться. Или работать. Строить карьеру. В общем, жить. И как-то встраиваться в то, что нас окружает теперь. Мы примем Альянс и успокоимся.

– На это и расчёт.

– Твой?

– Консула.

– А твой? У тебя есть расчёт?

– Свои резоны я тебе высказала: нужно повременить и посмотреть, что будут делать основные игроки – высшие маги, которых Консул изгнал из Города, и поддержать их. Я думаю, они ждут, когда Консул ослабеет или расслабится, решив, что его карта сыграла и он полностью контролирует Город, после чего нанесут удар. Но при этом ты прав: очень трудно сохранить тот запал, который в нас есть. Но если он настоящий, если мы действительно неприемлем Альянс, то он никуда не денется.

– Внутренняя Агема сделает всё, чтобы его уничтожить.

– Они будут использовать и кнут, и пряник: прессовать всех, кого подозревают в нелояльности, и награждать сдавшихся.

– Ты поэтому заперлась в доме?

– Не только... Но и поэтому тоже.

– Ясно... – Юноша помолчал. – Что мне сказать ребятам?

– Скажи, что я обязательно и очень скоро приеду в «Михельсон».

– Правда? – обрадовался Хинус.

– Даю слово.

– Сколько ждать?

– Постараюсь придумать что-то к завтрашнему вечеру.

– Отлично! – Судя по всему, на большее эрлиец не рассчитывал. – Тогда я пойду?

– Не забудь увезти из-под наших окон свою уродливую тачку, – проскрипел Киви.

– Тебя забыл спросить, чучело. – Хинус помялся. – Я смогу выйти без приключений?

– Сможешь, – рассмеялась девушка, поднимаясь с дивана. – Но на всякий случай я тебя провожу...

Киви хмыкнул, но промолчал. И остался на жёрдочке, изо всех сил изображая чучело, а когда Лиссет вернулась в гостиную, негромко, но очень серьёзно произнёс:

– Скоро он перестанет тебе доверять. И все они тоже.

– Я знаю, – ответила девушка. Она прошла мимо дивана, постояла у окна, вид из которого перестала портить «уродливая тачка» Хинуса, повернулась, но посмотрела не на попугая, а на камин. Посмотрела так, словно подумала его разжесть.

– И что ты будешь делать?

– Думать.

– Это понятно. Но я знаю, о чём ты действительно думаешь.

– Ты слишком болтлив.

– Я слишком умён.

Она захотела бросить ему что-нибудь обидное. Или просто – бросить в птицу чем-нибудь нелёгким, чтобы она заткнулась и перестала говорить то, что Лисс не хотела слышать, но яростный порыв исчез так же быстро, как появился. И девушка грустно улыбнулась, признавая правоту Киви.

Который, в отличие от Хинуса, знал о происходящем всё. Ну, или почти всё.

– Ты его не спасёшь, – угрюмо произнёс попугай.

– У меня есть шанс, – ответила Лисс, продолжая разглядывать чёрный зев камина.

– Ты его не спасёшь.

– Если я не попытаюсь, то умру от ненависти к себе.

– Время лечит.

Страшная, страшная фраза, означающая, что однажды она перестанет так искренне, так нежно, так яростно, так чувственно любить Дориана. Он умрёт или сделается другим, а время поможет сгладить трагедию в сентиментальное воспоминание.

– Нет... нет, Киви, время убивает, – чуть твёрже произнесла Лиссет. – Если я не попытаюсь помочь Дориану, то приму то, о чём говорил Хинус: ярость уйдёт, сменившись повседневными делами, мир сожмётся до прагматичной молекулы, и однажды я проснусь верной служанкой Консула. Меня даже переделывать не придётся – я стану как все. Приму то, что есть.

– Великие Дома готовятся к битве. Во всяком случае – Тёмный Двор.

– Если они победят – будет ещё хуже.

– Почему? – изумился Киви.

– Потому что Дориан будет сражаться за Консула, и если Великие Дома одержат победу, он или погибнет, или наве-

гда останется верным Консулу. И мы... и я думаю, что в этом случае мы не сможем быть вместе. Он станет другим.

– Только в одном, – очень тихо уточнил попугай. – В верности Консулу.

– Он станет другим, – едва слышным эхом повторила девушка.

– И тебя всегда будет это угнетать.

Ждала ли она принца на белом коне?

Наверное, в глубине души – да, как все нормальные молодые девушки.

Лиссет знала, что далека от идеала красоты: невысокая, хрупкая, с мальчишеской фигурой, которая вряд ли когда-нибудь обретёт округлую женственность, она была незаметной, но в то же время – очень яркой. Благодаря сверкающему в чёрных глазах огню. Настоящему огню. Умная, весёлая, живая – к Лисс тянулись все, кому посчастливилось её знать, а что касается принца...

Лисс ждала не столько принца, сколько счастья – просто, но такого важного счастья быть с кем-то рядом. Быть любимой. И любить. Ждала. Надеялась. И совсем не ожидала, что её счастье окажется рыжеволосым рыцарем Дорианом Машаром, одним из высших боевых магов Ордена. Колдуном из другого Великого Дома. Временами враждебного,

временами дружественного, но всё равно чужого. А смешанные браки в Тайном Городе не приветствовали – и это ещё мягко сказано. Вынужденные скрывать своё существование от господствующих на Земле челов, потомки древних рас больше всего на свете опасались раствориться среди них и растерять магические способности, которые давала им древняя кровь, и шли на любые ухищрения, чтобы сохранить её в чистоте и при этом не выродиться. Врачи и маги старательно работали над этой непростой задачей, и их усилия давали результат. Но при этом требовалось соблюдать довольно жёсткие правила. Никто не мешал молодым рыцарям влюбиться за молодыми ведьмами или развлекаться с челами, однако серьёзные отношения и уж тем более рождение детей приветствовались только между соплеменниками. Разумеется, исключения бывали – любовь не знает расовых предрасудков – однако в Тёмном Дворе, обитатели которого славились сплочённостью и крепкой приверженностью древним принципам, их можно было пересчитать по пальцам. И вот, на тебе... Молодая шаса из хорошей, почтенной семьи, и рыжий командор войны. Между ними даже интрижки не должно было возникнуть, а получилась любовь.

Тайная.

Тщательно скрываемая.

Настоящая.

И началась она романтично – на карнавале Тёмного Двора, единственном празднике, который устраивали навы и на

который, по традиции, приглашали высоких гостей из других Великих Домов. Тот бал не был для Лисс первым, но стал счастливым. Но об этом она узнала не сразу, хотя... почувствовала. Увидела, как смотрит на неё командор войны, как бережно ведёт её в танце – у них был один танец – и как посмотрел ей в глаза, когда музыка закончилась. И им пришлось расстаться. Дориан больше не подходил, не бросал на неё взгляды, не давал повода для шуток или подозрений, но возвращаясь домой, Лисс поняла, что скоро его увидит. И ещё поняла, что хочет его увидеть.

Очень хочет.

Увидеть его.

Лисс не хранила себя специально. Не потому, что была излишне романтической и ждала единственного, просто ей не хотелось, чтобы первый раз случился из любопытства или вообще впопыхах, пока не вернулись родители, а в памяти осталось лишь сопение и неумелые движения. Не хотелось говорить: «Да, всё было замечательно», не чувствуя ничего, кроме того, что «это» случилось. И ещё больше не хотелось отвечать на вопрос: «Теперь дашь списать домашку?» Лисс мечтала о большем. О настоящих чувствах. Может, это и называется быть романтической? С другой стороны, если не чувства, то что? Физиология? Сказать себе: «Это просто секс» и попробовать получить удовольствие в следующий раз?

Лисс так не хотела.

И у неё так не получилось.

Наверное, повезло.

Несмотря на всё, что произошло потом, – повезло. Лисс встретила мужчину, который не просто её заметил...

– Я его люблю, Киви, понимаешь, люблю. Да, можно сказать, что он – первый мужчина в моей жизни и поэтому я – сейчас – отношусь к нему с таким трепетом, и все эти чувства, такие яркие и острые, однажды исчезнут, и я стану относиться к Дору спокойно, а может, даже хладнокровно... Но я в это не верю. Можешь считать, что я ещё ребёнок, что ошибаюсь и в действительности будет именно так, как я сейчас сказала, можешь так считать и это, наверное, будет правдой, но сейчас я верю в то, что Дор мне нужен навсегда. И я чувствую, вижу в его взглядах, в его улыбке, в том, как он говорит и как прикасается ко мне... в его поступках... я вижу, что нужна ему навсегда. Именно я. Ему. Навсегда. Я люблю его таким, какой он есть. Какой он есть сейчас. И я сделаю всё, чтобы оставить его таким, какой он есть сейчас. Оставить для него... и для себя. Да, Киви – для себя. И мне не стыдно в этом признаваться. Я люблю Дориана, я хочу его спасти, чтобы быть с ним, и ради этого я пойду на что угодно.

Лисс наконец-то оторвала взгляд от камина и посмотрела на попугая.

– Мы пойдём, – тихо сказала птица, глядя девушке в гла-

за. – Куда ты без меня? – И приподнял гребень, увидев её улыбку. – Но что ты собираешься делать?

– А ты не понимаешь? – Лиссет уселась в кресло, и взгляд её стал жёстким. – Я думала, это очевидно.

– Пойдёшь к ним?

– Дориан в плену. Мне некуда больше идти.

– Будешь умолять?

– Мне есть что им предложить.

– Вопрос не в том, что ты предложишь, – проникновенно произнёс попугай. – Вопрос в том, чего они захотят.

Потому что придёт она. И что бы она ни принесла, цену определит Консул.

– Буду надеяться, что они не потребуют больше, чем я могу дать.

– Они потребуют больше, чем ты собираешься дать. Но столько, сколько ты сможешь.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю с кем ты собираешься иметь дело, – ответил Киви. – И знаю, что ты в уязвимом положении. Они не станут тебя подавлять – для этого они слишком умны, но цену назначат высокую.

Это Лисс понимала хорошо. Но ещё лучше она понимала другое:

– У меня нет выхода.

– Поэтому я прошу тебя подумать над тем, как далеко ты собираешься зайти. – Киви наклонил голову вправо. – И по-

думать сейчас.

– Сейчас я не чувствую ничего, кроме опустошения и зло-сти, – честно ответила девушка. – Мы встроём, я, Бри и Жи-ра, боролись и... и, наверное, продолжим бороться за правое дело, за то, во что верим, за то, что считаем правильным. И я до сих пор считаю это правильным. Но наша борьба... она получилась разной. С разной платой. Я понимаю, что мы мо-лоды, склонны к импульсивным, необдуманным поступкам, но я не понимаю, почему из-за глупости и самонадеянности Бри должен страдать Дориан. Почему я должна его потерять? Почему всё получилось так, как получилось? – Лисс стукну-ла кулачком по подлокотнику. – Чего молчишь?

– Хочу посоветовать тебе не торопиться что-то предпри-нимать до тех пор, пока злость на Бри не станет столь яр-кой, – ответил Киви. – Выбираю время.

Несколько секунд девушка пронзительно смотрела на птицу, а затем холодным и очень обдуманным тоном отве-тила:

– Не станет.

– Уверена?

– До тех пор, пока что-то не изменится. Я не могу спокой-но думать о том, что из-за Бри потеряла любимого. И совсем не могу не думать о том, что может быть сейчас, вот прямо сейчас Консул читает Дориану «слово князя», меняя его суть и превращая в послушную марионетку.

– Сейчас не читает.

– Почему? – удивилась шаса.

– Потому что Консул не знает, что делать с командором Машаром, – объяснил попугай. – Твой друг был слишком яркой и заметной фигурой во Внутренней Агеме, поэтому Консул будет долго думать и просчитывать все возможные варианты выхода из этого скандала. Так что время у тебя есть.

– Да, время есть, но это не важно, потому что рано или поздно Дор услышит «слово князя».

– Скорее всего, – согласился Киви.

– А значит, я должна сделать всё, чтобы выбраться из задницы, в которой оказалась благодаря мерзавке Бри, и спасти моего мужчину.

Окрестности Санкт-Петербурга

«Если бы некромантия существовала, я была бы некромантом... Или некроманткой? Как правильно в данном случае? Допустим ли модный современный феминитив для обозначения того, кем я, по сути, являюсь? А если допустим, то зачем? Нравится ли мне быть некроманткой? Ничего особенно хорошего в этом нет, да и звучит дико, хоть и по-современному модно. А нравится ли мне быть некромантом? Слово мужское, конечно, зато привычное и ухо не режет. «Здравствуйте, я – некромант». Я – некромант? Или всё-таки нет? Я ведь не оживляю трупы, не поднимаю их из могил, чтобы превратить в послушных рабов, а всего лишь забираю у мёртвых самое мёртвое, что они могут дать. Потому что

единственное, что способны дать мёртвые, – это мёртвое, потому что единственное, что они способны дать, – это себя, а они целиком состоят из мёртвого... И во мне оно есть... Получается, я и сама труп... Или трупка?»

Марина Брич, которую в Тайном Городе знали под именем Бри, хохотнула и зябко передёрнула плечами. Нет, не от холода, хотя ночь в Санкт-Петербурге выдалась прохладной и влажный воздух с залива то и дело норовил пробраться под куртку. Резкий жест был нервным, отчётливо продемонстрировавшим дёрганое состояние девушки.

Разброд внутри, разброд снаружи...

И никакой уверенности в том, что будет завтра.

– Долго ещё? – грубовато осведомилась Марина.

– Осталось чуть-чуть, хозяйка, – отозвался Джузи, не прекращая копать.

– И осторожнее с образцами.

– Я всегда осторожен, хозяйка.

Бри это знала, поскольку они с Джузи не в первый раз занимались этим неблагоприятным делом, однако нервное состояние заставляло девушку не только дёргаться, но и говорить ненужное. А поняв, что говорит ненужное, Марина разозлилась – на себя, – но, чтобы не потерять лицо, резко бросила:

– Спорить со мной решил? – голос почти сорвался на визг.

– Нет, хозяйка, – с прежним спокойствием ответил Джузи.

– Будь осторожнее с образцами!

– Да, хозяйка.

А что он ещё мог ответить?

Компанию девушке составлял здоровенный, около семи футов ростом, человекообразный голем, которого даже некоторые жители Тайного Города принимали за необыкновенно высокого и плотного чела. В действительности существо было искусственным, созданным по уникальной, неизвестной магам Великих Домов технологии, делавшей голема мощнее всех известных «кукол». А находились они с девушкой на старом, почти заброшенном кладбище, расположенном примерно в тридцати милях от городской черты, в стороне от дорог и поселений – Марине требовался именно такой погост: без лишних глаз. Сейчас она стояла под деревом и наблюдала за тем, как Джузи раскапывает первую могилу из шести намеченных. Старую, очень старую могилу, поскольку молодой ведьме требовались древние кости.

- Есть, – сообщил голем, когда лопата стукнулась в кость.
- Да не докладывай, дубина, а начинай собирать.
- Да, хозяйка.

Джузи распаковал плотный пластиковый мешок и принялся аккуратно, руками, вытаскивать из земли останки. Справлялся он быстро, но Бри всё равно казалось, что голем еле возится: за пятнадцать минут вскрыл всего лишь одну могилу – каков бездельник! Марине хотелось закончить их дело поскорее, несмотря на то, что раньше, даже когда они оскверняли кладбище в центре Тайного Города – специально, чтобы нагадить Консулу, – она не торопилась и спокойно

ждала окончания работы. С другой стороны, раньше она не чувствовала себя так... странно.

Именно странно, поскольку определить свои переживания девушка пока не могла.

Это чувство накрыло её не сейчас, а много раньше, несколько дней назад, после того, как магический заряд фон Даба вдребезги разнёс защищённый по высшему классу внедорожник и Бри очнулась, насквозь пробитая металлическим штырём. Очнулась, чтобы умереть... Нет, тогда она ещё не чувствовала себя странно. Тогда она ощущала себя вопящей болью. Чудовищным страхом смерти. И снова болью. Тогда она растворялась в ужасных мучениях и была готова на всё, чтобы выжить.

И услышав голос, пообещавший ей чудесное спасение, сделала так, как он велел...

«Чей же это был голос?»

Девушка выжила. Совершила чудо и выжила. Но с тех пор чувствовала себя... странно. Что и влияло на её настроение.

Хотя внешне ничего не изменилось.

Абсолютно ничего.

Раны исцелились, не оставив ни шрамов, ни иных повреждений, и Бри вновь прекрасно выглядела. Так, как привыкла: женственная фигура с приятными округлостями и заметной грудью, но при этом – по-спортивному подтянутая, стройная. К тому же Марина всегда держалась прямо, гордо расправив плечи, отчего казалась особенно высокой. Ведь

гордость делает выше. Длинные тёмно-каштановые волосы сейчас были стянуты в тугую косу, но когда Бри их распускала, волновались прекрасными кудрями. Завершали картину большие голубые глаза, припухлые, чётко вырезанные губы и маленький носик. Бри привлекала внимание и хорошо понимала силу своего очарования.

Впрочем, сейчас применять его было не на ком.

Одевалась же Марина в чёрное: джинсы, футболка, куртка, кроссовки – все вещи были одного цвета и не только потому, что ей предстоял ночной визит на кладбище. Просто в последнее время девушка полюбила чёрное...

– Первый готов, хозяйка. – Джузи выбрался из ямы и аккуратно положил к ногам Марины мешок с костями.

Ответа дожидаться не стал: развернулся и отправился закапывать могилу. Но Бри всё равно кивнула – машинально – и перевела взгляд на мешок.

Старые кости. Мёртвое, которое было живым, но снова стало мёртвым, а значит – мертвее мёртвого. Ничто, в котором побывало нечто, но затем покинуло его. Тёмная материя... Точнее, её заменитель. Древние кости лежали в основе уникальной техники Бри, которую она изучила в «Тёмных церемониях», они будут измельчены в пыль, наполнятся уникальной силой её Слова и послужат...

«Чему послужат?»

Девушка вновь дёрнула плечами.

Не в этом ли таится странность её ощущений и постоян-

ные смены настроения? Не потому ли она нервничает, что не знает, куда применить свою колоссальную силу? Точнее, силу, которая кажется колоссальной и должна таковой быть, но все её секреты Марина ещё не раскрыла. Но даже то, до чего девушка добралась, поражало воображение. Невиданные возможности обещали невероятные перспективы, однако осознать их Бри ещё не могла и потому до недавнего времени действовала по очень простой схеме: есть очевидный враг – Консул, и его необходимо снести, поскольку ненависть к нему была столь велика, что сводило скулы...

«Была?»

Марина неожиданно поняла, что использовала прошедшее время, вздрогнула и вновь дёрнула плечами. Обхватила их руками, словно уговаривая больше не подводить, и закусила губу.

Сохранилась ли в ней ненависть? Тот безумно яркий флаг, под которым она шла всё последнее время? Или безумный и яркий? Каким был флаг, когда всё было очень понятно: есть злодей, которого обязательно нужно убить, потому что из-за него, из-за того, что он перевернул Тайный Город, Бри потеряла любимых близких и была вынуждена обратиться к очень страшной и очень древней книге «Тёмные церемонии»; есть подруги, полностью разделяющие её убеждения и рядом с которыми она сражается, рискуя собой...

«В этой битве я потеряла больше всех».

Но сначала – приобрела.

Бри отдавала себе отчёт в том, что ярость и желание отомстить завели её намного дальше Лисс и Жиры. Старинная даже по меркам Тайного Города книга подарила девушке невероятную власть, но что забрала взамен? Чем пришлось заплатить? Марина догадывалась чем. Точнее, она точно знала, чем заплатила, но гнала от себя эту мысль. Гнала или переводила в шутку, потому что ещё не готова была её принять. Принять себя новую, себя, получившуюся после того, как книга забрала свою цену. Кроме того, за «Тёмными церемониями» охотился Консул и будет охотиться любой Великий Дом, если или когда его иерархи узнают, какая драгоценность оказалась в руках юной полукровки. И никого не смутит, что книга потребует плату, поскольку предлагаемое ею могущество способно ослепить кого угодно.

Невероятное могущество.

В результате Марина стала дважды дичью: и как член Сопротивления, и как обладательница «Тёмных церемоний», и не могла никому доверять. Поэтому сказала подругам, что спрячется в Подмоскovie, а сама уехала в Питер. Ей требовалось время, чтобы решить, что делать дальше.

– Второй.

Задумавшись, девушка не заметила, что голем закопал первую могилу, вскрыл и опустошил следующую. Вздрогнула, услышав голос Джузи, но ругаться не стала, просто кивнула:

– Молодец, – и потрогала носком добычу.

– Спасибо, хозяйка.

Второй мешок оказался почти вдвое объёмистее предыдущего, но костей всё равно было меньше, чем требовалось: Марина хотела сделать большой запас, чтобы подольше не ходить на кладбища.

– Продолжай.

– Да, хозяйка.

Джузи отправился «на работу», а девушка, неожиданно для самой себя, испытала прилив необычайно тёплых чувств к этому существу. Искусственному, но верному. Да, голем не мог не быть лояльным владельцу – создавшие его мозг эрлийцы гарантировали полное послушание во время всего срока службы, однако в какой-то момент искусственная суть «куклы» становилась неважной. Потому что когда Бри, беспомощная, орущая от невыносимой боли, истекала кровью на московской улице, фон Даб не добил её только потому, что Джузи бросился в атаку. И не просто бросился, а провалился вместе с рыцарем в «дырку жизни» – спасительный портал в Московскую обитель, и там добил врага. На глазах изумлённых эрлийцев. При этом эрлийцам подсказали, кому служит Джузи, и они не выдали его чудам, а позволили скрыться. Оставшись якобы нейтральными. Ну а то, что голему подсказали, где искать хозяйку, так это не они, а другие вассалы Тёмного Двора – шасы. Которым тоже кто-то позволил...

Как бы там ни было, Джузи вернулся, чему Бри была очень

и очень рада.

Марина посмотрела на часы, на мгновение отвлѣкшись от окружающего, и всё, что произошло впоследствии, стало результатом мгновенной потери внимания. Мимо резко пролетела сова. Просто пролетела, не собираясь атаковать и даже крылом не коснулась девушки, но заложила такой вираж, что воздух резанул по лицу Бри и она машинально защитилась: дотянулась до птицы тьмой, схватила её и чуть сжала. Раздался испуганный крик.

«Тьмой? Или ничем? Что происходит?»

Марина пока не могла ответить на этот вопрос. Новое умение пришло внезапно и сразу стало привычным. Она держала перепуганную сову на расстоянии в десять ярдов и могла без труда убить. Знала, что может сдавить ночную охотницу крепко-крепко, так, что захрустят и вылезут наружу кости, а кровь прольѣтся на ничто, которым Бри держала сову, но не сможет его испачкать.

И ещё она знала... нет, об этом она не знала – это Марина почувствовала, что может не только сдавить птицу, но впустить в неё ничто. Смешать живое с мѣртвым, чтобы получить...

Бри тряхнула головой и разжала хват. Птица стремительно полетела прочь, и, слушая суматошное хлопанье крыльев, девушка задала себе грустный вопрос:

«Да кем же я, чѣрт побери, стала?»

Складской комплекс «Кумар Карго Экспресс»

Москва, улица Левобережная

– Великим фюрером?! – недоверчиво переспросил Штыпсель.

– Великим фюрером! – с энтузиазмом подтвердил Урбек Кумар, крупнейший в Тайном Городе скупщик краденого и солидный предприниматель во всём остальном.

– Вы как его выбираете?

– По итогам перестрелки, – сообщил уйбуй. – Только с Кувалдой давно никто перестреливаться не хочет – себе дороже получится.

– Стреляет хорошо?

– Вешает много.

– Разумный подход, – оценил барыга. – Но я думаю, главным имеет смысл назначать того, кто денег больше приносит.

Урбек Кумар был шасом, выходцем из древней и очень уважаемой семьи Шась, подданных Тёмного Двора, которые смотрели на мир через совсем не розовые очки получения прибыли и прочих экономических выгод, а потом уже всё остальное. А его собеседником выступал уйбуй, то есть десятник, Штыпсель из диковатого и непредсказуемого семейства Красных Шапок, промышляющего воровством и грабежами, поскольку ни к чему прочему приспособлено не было, а барыжить наркотой Великие Дома категорически запрещали. Кроме того, примитивные мозги Красных Шапок

способны были функционировать лишь при достаточном содержании в организме алкоголя – лучше всего подходил виски, – поэтому их постоянно окутывал лёгкий аромат принятого препарата... или последствий вчерашнего принятия. Однако на перегар Урбек давно перестал обращать внимание – привык.

– Если ты деньги приносишь, но никого не вешаешь или стреляешь плохо, то деньги у тебя отнимут и велят принести ещё, – с нетрезвой рассудительностью ответил Штыпсель и сделал большой глоток из карманной фляжки.

– То есть деньги тебе не нужны? – мгновенно сориентировался шас, который всё ещё не расплатился с дикарём за пригнанную на склад фуру с автомобильными запчастями.

– Я стреляю хорошо, – хмыкнул Штыпсель. И вернулся к делам: – Давай, короче, баблосы, и я поехал.

Он происходил из клана Дуричей, поэтому старался всё всегда решать поскорее – чтобы не забыть.

– И не хочешь узнать, что я предлагаю?

– Если за мои деньги, то не хочу.

Кумар усмехнулся и подумал, что виски по утрам бывает полезен. Не всем генетическим статусам, конечно, но бывает. Платить за фуру он не хотел не из жадности – с оговоренной суммой шас всегда расставался точно и в срок, – а потому что боялся, что заполучившие наличные дикари отпразднуют успех с таким старанием, что их мозги потребуют перезагрузки, а дело, которое он хотел предложить Штыпселю,

было срочным и предложить его – так уж получилось – барыга никому не мог. Мог бы сделать сам, конечно, но принципиально не принимал участия в преступлениях. Только в демократических выборах. И то – однажды. Ну, неважно...

– Выдам я тебе деньги, выдам, вот, видишь – при мне они. – Кумар извлёк из внутреннего кармана внушительную «котлету» крупных купюр и помахал ею перед носом уйбуя.

– Они все мои? – обрадовался Штыпсель.

– Ну, не все, конечно, но твои.

– Тогда зачем показываешь?

– Чтобы ты понял, что они у меня есть.

– Я и так знаю, что они у тебя есть, – вздохнул дикарь. –

А у меня пока нет.

– А хочешь, чтобы их у тебя стало намного больше? – осведомился шас, медленно, очень медленно отсчитывая купюры.

– Насколько больше? – осведомился Шапка, внимательно, очень внимательно следя за манипуляциями барыги. Считать дикарь умел не очень хорошо, потому внутренне радовался неспешности Урбека, параллельно прикидывая, сколько ящичков виски можно будет купить на такое богатство.

– Настолько, что в карман не поместятся.

– Тогда их кто-нибудь увидит и попробует отнять, – вздохнул уйбуй. – Да и карманов у меня не очень, в них совсем мало не поместится.

И с грустью оглядел себя в отражении стеклянной двери –

чтобы лишний раз не проветривать помещение, Кумар дикарей в офис не пускал, во дворе общался.

Что же касается карманов, то в этом Штыпсель был абсолютно прав: помещалось в них мало.

В одежде дикари считались консерваторами, отдавая предпочтение древней моде Западных лесов: кожаные штаны, жилеты или куртки и обязательные красные банданы на лысых головах. Волосы у Шапок не росли, и, возможно, поэтому они являлись большими поклонниками татуировок, украшая свои тела таким количеством рисунков, что казались одетыми, даже когда такими не были.

А может, их просто тянуло к прекрасному.

Как к виски...

– Долю, которую я тебе предлагаю, по карманам точно не распахнешь, – продолжил Урбек, отсчитав примерно половину платы за фуру. – В сумках тащить придётся.

– В сумке? – переспросил Штыпсель.

– В сумках, – повторил Кумар. – В одну не поместится.

– Даже в большую?

– Даже в большую. – Урбек приостановил отсчёт и посмотрел на дикаря: – Нужно чела одного распотрошить.

– У нас ятаганы острые, – осклабился уйбуй.

– В переносном смысле, – уточнил шас. – Нужно вытащить из его квартиры примерно две-три тонны...

– Мы что, грузчики? – обиделся Штыпсель.

– Две-три тонны денег, – закончил Урбек. И мило улыб-

нулся: – Теперь ты понимаешь, что в одну сумку твоя доля не поместится?

Уйбуй захлопнул рот и покивал, разглядывая шаса выпученными глазами.

Окрестности и Санкт-Петербург

– Они одну могилу не зарыли, дальнюю самую. То ли поленились, то ли забыли. Мы потому и узнали, что здесь случилось.

Директором старого погоста, затерянного в лесах Ленинградской области, оказалась полная улыбчивая женщина с крашеными, стянутыми в тугой узел волосами. То есть она работала руководителем другого кладбища, действующего, находящегося милях в пяти к востоку, а это, почти заброшенное, ей выдали «в нагрузку», потому что по правилам кто-то должен за ним приглядывать. Оделась она по погоде: джинсы, футболка и лёгкая ветровка. А поскольку пару часов назад прошёл сильный дождь, обуться директор предпочла в короткие резиновые сапоги, вид которых вызывал у Гранни жгучую зависть, потому что её красивые и дорогие кроссовки, прекрасно подходящие к сухому дню в городе, оказались абсолютно не приспособлены для путешествия по размокшим дорожкам загородного кладбища. Девушка так сильно промочила ноги, что пришлось «подсушить» их с помощью магии.

Гранни представилась офицером ФСБ, предъявив изго-

товленные умельцами Тайного Города документы, и потому директор вела себя с девушкой весьма предупредительно и рассказывала о случившемся максимально подробно.

– Михалыч рано утром явился с проверкой, смотрит – а тут такое. Он полицию вызывать. Хорошо, что дождя тогда ещё не было и можно было всё осмотреть спокойно. Полиция приехала, стала тут всё изучать, а потом тот из них, который эксперт, и говорит: «А вы в курсе, что вскрывали не одну могилу?» И следы показывает разные. С виду всё вроде в порядке, а если приглядеться, так сразу видно, что могила разрыта, а потом аккуратно заделана. Шесть могил, получается, вскрывали. То есть, если бы они про эту не забыли, никто бы ничего и не заметил. Михалыч ведь не пристально всё тут разглядывал, если честно, а так, прошёлся быстро и на работу... Потом бы дождь всё сгладил – и привет: преступления как не бывало.

– Спасибо, что вовремя сообщили, – пробормотала Гранни.

– Так ведь нас предупредили, – рассказала директор. – Три дня назад ещё из полиции звонили и сказали, что участились случаи вандализма и нужно сразу же сообщать, чтобы скорее поймать злоумышленников. Я поэтому и велела Михалычу каждое утро сюда заезжать. Он недалеко живёт, ему удобно. Поворчал, но послушался. И видите – не зря.

– Не зря, – кивнула Гранни. – Но, к сожалению, далеко не все исполняют просьбы полиции так, как нужно.

– Это я понимаю, но я не из таких.

– И за это – спасибо.

Использовать человеческую полицию, чтобы проследить за состоянием кладбищ, Гранни придумала сразу после погрома, устроенного на московском Преображенском кладбище. Точнее, после того, как девушка поняла, что Консул очень серьёзно воспринял осквернение могил и жаждет поговорить с тем, кому зачем-то понадобились древние кости. О том, что этим «кем-то» была Бри, в то время Внутренняя Агема ещё не знала. Со слов Консула Гранни поняла, что кости таинственному вандалу требуются регулярно, и предложила устроить шумиху в прессе по поводу разгрома Преображенского и так заставить человеческую полицию шевелиться. Консул идею одобрил, сегодня она принесла результат, и Гранни точно знала, что Марина Брич в Санкт-Петербурге.

Ну... скорее всего, в Санкт-Петербурге.

Могила, о которой шла речь, находилась в дальнем от ворот углу, у покосившейся ограды, в тени деревьев, и действительно было очень похоже, что о ней просто-напросто позабыли, заторопившись покинуть кладбище. При этом напрочь отсутствовали какие-либо признаки погрома, в отличие от Преображенского кладбища, фото и видео с которого Гранни внимательно изучила. В Москве случился именно погром: с развороченными оградами и разбитыми памятниками, здесь же могильный камень аккуратно вынут и отставлен в сторону, яма ровная, земля не разбросана, а свалена

кучей, чтобы удобнее было закапывать. Остальные могилы, на которые указала директор, и вовсе выглядели абсолютно целыми, нетронутыми, и тот факт, что их раскапывали, скорее всего, постарались скрыть с помощью магии. Скорее всего – потому что восстановить прежний облик с такой достоверностью без неё невозможно, однако Гранни, как ни старалась, не уловила следов возмущения магического поля.

Следы раскопа на пяти могилах были убраны идеально, а последняя осталась выставленной напоказ... Бри забыла вернуть его в исходное состояние или сделала это специально? Как в Москве?

«Вряд ли она поступила так нарочно. Бри не дура и уже должна была понять, к чему приводит детское желание дерзко заявить о себе. Скорее всего забыла. Что тоже неплохо...»

Оба варианта неплохи. И совершенно неважно, почему Бри оставила могилу разрытой: чтобы показать преследователям язык или по забывчивости. Важно то, что в ней нет хладнокровной уверенности в собственных силах и Бри совершает ошибки. Которые будут дорого ей стоить.

– Те пять могил мы пока не вскрывали, а про эту полицейские сказали, что из неё все кости достали.

– Именно так, – подтвердила Гранни. – Это их добыча.

– Только ради костей, получается, всё это затевают?

– Да, ради костей.

– Но зачем? – Директор была взрослой, рассудительной, абсолютно нормальной женщиной и абсолютно не понимала

для чего кто-то, пребывая в здравом уме и твёрдой памяти, полезет ночью разрывать могилы, чтобы заполучить старые кости. – Они сумасшедшие?

– Поймаем – узнаем.

– То есть, мы правильно поняли, что наше кладбище не первое?

– Далеко не первое, – кивнула Гранни. – Они много где засветились.

– Что-то я не слышала...

– В других областях, в Ленинградской вы – первые.

– Сомнительная радость.

– Согласна с вами.

– Сатанисты?

– Поймаем – узнаем, – повторила Гранни, в последний раз оглядывая могилу и понимая, что здесь ей больше делать нечего. – Но как бы то ни было, федеральное преступление они себе уже вытянули.

– Вот ведь идиоты. – Директор вздохнула. – А вы их поймаете?

– Обязательно.

Да, никаких зацепок для магического поиска Бри не оставила, однако Гранни не сомневалась в том, что в настоящий момент беглянка скрывается в Питере.

«Ты не считаешь своё дело законченным. Ты хочешь продолжить игру и потому не сбежала на другой континент, а осталась рядом. А значит, мы обязательно встретимся...»

– Вы что-то сказали? – встрепелась директор.

– Пообещала себе обязательно поймать вандалов, – улыбнулась в ответ Гранни. – И как можно быстрее.

– Скучаете?

– Разве похоже, что я скучаю?

– Вы не смотрите в телефон, не читаете книгу, не рассматриваете прохожих...

– Предположим, я задумалась.

– Вы разве не знаете, что местные законы Питера это за-прещают?

– Думать?

– Скучать.

– И какое наказание предусмотрено за нарушение?

– Почему сразу наказание?

– А что? Простите, я не настолько хорошо знакома с местными правилами.

– В этих случаях полагается избавляться от скуки всеми возможными способами.

– Включая незаконные?

– В этом случае – можно, – рассмеялся мужчина.

Он был хорош собой и знал об этом. За столиком устроился с непринуждённой лёгкостью, разговор вёл приятным, чуть бархатистым голосом.

– А о том, что у нас запрещено скучать, в обязательном порядке предупреждают на границе города... Вы из Прибалтики?

Как ни старалась Гранни, но скрывать акцент у неё получалось только с помощью магии, а использовать её постоянно ради такой мелочи девушка не хотела. Говорила как умела, и потому в её речи иногда проскальзывали очевидные неправильности. Что у неё за акцент, понимали далеко не все, однако тот факт, что русский язык девушке не родной, внимательные собеседники улавливали. А мужчина был внимательным. Он минут пять разглядывал сидящую за столиком девушку – Гранни прекрасно видела его интерес, – после чего решил подсесть. Не «решился», а именно решил – мужчина был уверен в себе. И было видно, что девушка ему понравилась. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: пышная грива каштановых волос, большой рот и огромные глаза вкупе с великолепной фигурой, достоинства которой Гранни ди Атура не стеснялась подчёркивать, привлекали к ней внимание и мужчин, и женщин. Но везло далеко не всем.

– Нет, я не из Прибалтики, – качнула головой Гранни, несколько обескураженная тем, что её, оказывается, можно принять за обитательницу прилегающих к Питеру территорий. Хотя, скорее всего, мужчина назвал первое, что пришло в голову, несколько не желая оскорбить девушку. – Я из Италии.

– Ого.

– Что вас смущает?

– Вы неожиданно хорошо говорите по-русски.

– Недостаточно хорошо, раз вы меня распознали.

– Я просто умею слушать, – очень мягко ответил мужчина, глядя Гранни прямо в глаза. – А откуда именно из Италии?

– Вы там бываете?

– Периодически.

– По делам?

– Давайте говорить о вас.

– Давайте говорить о том, что нам интересно, – предложила ди Атура. – Иначе мне действительно может стать скучно, и я уйду.

– Оставьте меня?

– Не сомневаюсь, что с вашими талантами вы недолго пробудете в одиночестве.

– Спасибо за комплимент.

– Это наблюдение.

Мужчина улыбнулся.

Он вёл себя... приемлемо. Именно так в итоге определила девушка: приемлемо. Уверенно, но без самоуверенности записного самца. Напористо, но не нахраписто. Показывал заинтересованность, но не давил ею. Приемлемо... Однако всё равно стал скучен. Может, из-за «приемлемо», а может, потому что Гранни не была в настроении знакомиться и уже трижды обругала себя за выбор заведения: зачем-то отправилась в «Летучий Голландец», пришвартованный на Мытнин-

ской набережной неподалёку от Биржевого моста. Соблазнилась чудесным видом и возможностью посидеть у самой воды, а в итоге нарвалась на местного ловеласа, зачем-то приписавшего ей прибалтийские корни.

«Успокойся: такой приставала мог оказаться в любом заведении. А упоминание происхождения наверняка показалось ему комплиментом: здесь всё заграничное считается безусловно лучшим...»

– Что привело вас в Россию? – почти светским тоном осведомился мужчина.

– А что обычно приводит вас в Италию?

– Я там торгую.

– Газом?

– Как вы догадались?

– Пеньку отсюда вывозили при основании города, – ровным голосом ответила Гранни. – Должно же было хоть что-то поменяться за триста лет.

– Что-то и меняется.

– Приятно слышать.

– Везде меняется, даже в таком консервативном поселении, как Тайный Город.

Девушка вздрогнула. Мужчина приятно улыбнулся. Следовало вскочить и начать драку, но ди Атура понимала, что этого от неё и ждут. И к этому готовы. Поэтому собралась и, старательно скрывая охватившее её бешенство, спокойно продолжила:

– Я не расслышала вашего имени.

– Оно вам ни о чём не скажет.

– Просто Человский наёмник?

– Но согласитесь: хороший?

– В качестве жиголо?

– В качестве специалиста, умеющего грамотно отвлечь внимание.

Да, грамотно, потому что ловушка захлопнулась – незаметно захлопнулась! – почти минуту назад. Пока девушка вела ненужную беседу с наёмником, опытные колдуны опутывали её невидимыми магическими нитями, блокируя и способности, и артефакты, и даже обычную связь, чтобы не позволить жертве подать сигнал бедствия. А затем резко, одним стремительным ударом, напитали сотканную паутину силой, и девушка оказалась в их полной власти.

– Вы тоже не представились, однако ваше имя не является секретом. – Мужчина был по-прежнему уверен в себе, однако тон его стал жёстче. – Вы – Гранни ди Атура, собака Консула.

– Обойдёмся без оскорблений? – предложила девушка. – Или ты настолько мелкая шавка, что не можешь не упиваться победой?

– Могу. – Кажется, ему стало чуточку стыдно.

– И остановимся на том, что я – просто служащая.

– Что вы делаете в Питере, просто служащая?

– Не ваше дело, наёмник.

– В общем, меня это не особенно интересует, – признался мужчина. – Вопрос был задан из праздного любопытства.

– А вы один из беженцев?

Наёмник несколько помрачнел, однако ответил с вернувшейся вежливостью – резкое замечание Гранни привело его в чувство и напомнило о необходимости соблюдения приличий в разговоре с дамой.

– Мы ненадолго сюда переехали.

– Понимаю, что ненадолго. – Гранни коротко рассмеялась. – Скоро придётся вернуться.

– Мы с вами по-разному видим причину, которая позволит нам вернуться в Тайный Город.

– С этим не поспоришь. – Девушка помолчала. – Наёмник, вы ведь понимаете, что я сейчас скажу?

– Будете угрожать?

– Мои слова можно воспринять в качестве угрозы, однако я бы рекомендовала вам рассматривать их как деловое предложение. И прозвучит оно так: если вы немедленно меня освободите и в течение пяти минут исчезнете из поля зрения, я даю слово, что не стану преследовать никого из вас и позабуду об этом никому не нужном разговоре.

– Я понимаю, чем вызвано ваше предложение, Гранни, и в свою очередь хочу сделать встречное: никогда сюда больше не приезжайте. Здесь вас не ждут и не хотят видеть. – Он выдержал короткую паузу – мог себе позволить, поскольку девушка находилась в его полной власти. – И не волнуйтесь,

пожалуйста, мы не собираемся вас убивать. Мы не настолько кровожадные. Просто устроим небольшое представление, чтобы повеселить скучающую публику. Вы ведь помните: скука в Санкт-Петербурге законодательно запрещена.

На Заячьем острове, стрелке Васильевского и Мытнинской набережной ощутимо прибавилось публики. Как поняла ди Атура, пока одни колдуны опутывали её магической сетью, другие созывали перебравшихся в Питер жителей Тайного Города, которые теперь оживлённо переговаривались в ожидании начала бесплатного шоу. Унизительного для Гранни, но видимого только им – чтобы ничего не объяснять обычным челам, происходящее накрыли плотным мороком.

– Твой выход, красавица. При случае передавай привет Консулу.

Гранни вздохнула и беззвучно выругалась.

А в следующий миг её неспешно подняли в воздух...

«Как же хорошо, что я догадалась надеть джинсы!»

...медленно пронесли вдоль всех набережных, на которых собралась публика, приветствующая девушку улюлюканьем и свистом, после чего подняли над Невой примерно на десять ярдов и швырнули в воду между Заячьим островом и Стрелкой.

И только после этого сняли морок, позволив челам разглядеть барахтающуюся в реке девушку и направить к ней спасательный катер.

* * *

«В Северной столице вновь пострадала туристка из Москвы. Возмутительный случай произошёл сегодня в самом центре Санкт-Петербурга: в холодных водах Невы оказалась прелестная молодая женщина, по нашим данным – туристка из столицы, приехавшая полюбоваться красотами. Мы не знаем, как именно она оказалась в реке, однако достоверно известно, что хваленая спасательная служба СПб заметила тонущую красавицу, лишь когда течение вынесло её на середину фарватера...» («М24»)

«Забавное происшествие подняло настроение оказавшимся в Санкт-Петербурге жителям Тайного Города. Сегодня, тёплым погожим днём, подручная гаваря Альянса долго не могла понять, где в Северной столице разрешено купаться. После долгих мытарств она наткнулась на одного из наших друзей, который не только ответил на вопрос, но и проследил за тем, чтобы девушка исполнила свою мечту и окунулась в приветливые невские воды. На прощанье...» («MG online»)

* * *

Штаб-квартира Внутренней Агемы

Москва, Газетный переулок

Так получилось, что никогда в своей невероятно длинной истории Тайный Город не знал единоличного правителя. Период, когда в нём укрывались только навь, не в счёт — ведь других Великих Домов тогда попросту не было. Когда же явились люды, возникло шаткое равновесие, а с появлением чудов оно обрело устойчивость. Политический облик Тайного Города закрепился и с тех пор не менялся: три Великих Дома, три центра власти, три центра силы, которые уравнивали друг друга, не позволяя вознестись на вершину кому-то одному.

И так продолжалось тысячи лет...

До появления Консула.

Который, действуя жёстко, последовательно, очень умно, но при этом осторожно, ухитрился подмять под себя и рыжих рыцарей Ордена, и белокурых ведьм Зелёного Дома, после чего официально возглавил появившийся Альянс Великих Домов. Победа не была окончательной: навь заперлись в Цитадели и терпеливо выжидали, готовясь нанести разительный удар, а Орден и Зелёный Дом формально возглавляли их собственные лидеры, однако слово Консула стало самым весомым в Тайном Городе, а подчиняющаяся ему Внутренняя Агема постепенно превращалась в самое мощное военное формирование магического мира Земли, перетаскивая к себе лучших воинов Ордена и Зелёного Дома. И всё это позволяло рассматривать Консула как единоличного лидера.

Впервые в истории Тайного Города.

И именно в штаб-квартире Внутренней Агемы Консул пожелал встретиться со Схинки, своим ближайшим помощником, самым преданным, самым надёжным. И самым подураски выглядящим, что мешало Консулу назначить его на какую-нибудь официальную должность.

– Тебе не надоело быть таким?

– Раньше мой вид казался вам забавным, заурд, – немедленно ответил Схинки, назвав Консула древним и очень почтительным обращением, созданным специально для него. Заурдом в истории Нави называли только первого князя.

– Раньше ты не появлялся на публике, – объяснил Консул.

– Сейчас тоже.

– А пора бы.

– Не думаю.

– Почему?

– Вы всё ещё новый образ для публики, заурд, поэтому вам следует окружать себя известными в Тайном Городе фигурами, а не другими новыми образами, вроде нового меня. Известные фигуры выглядят привычно и своей привычностью показывают, что вы, безусловно, – свой и вам можно доверять.

– То есть ты не хочешь становиться публичным? – понял Консул.

– Кто-то должен действовать из тени, – выдал подготовленный аргумент Схинки. – Это создаст у населения невре-

ную атмосферу лёгкой неопределённости.

– Страха?

– И его тоже.

– Ты уверен, что это правильная политика? – помолчав, поинтересовался Консул.

– Абсолютно.

– Или ты просто не хочешь выходить из тени?

– Не хочу, – не стал скрывать Схинки. По желанию Консула, он некогда согласился принять облик орангутана и теперь разгуливал по Тайному Городу в цветастых рубашках, ярких шортах и с дорогими часами на левой лапе. И ничуть не смущался. И не собирался менять зверский образ, несмотря на то, что Консулу, судя по всему, игра наскучила и ему надоело видеть в помощнике животное. То ли Схинки привык, то ли хотел позлить хозяина.

Поняв, что в вопросе внешнего вида орангутан будет стоять на своём, Консул вздохнул и сменил тему:

– Твоя оценка ситуации в Городе?

– В целом?

– Начнём с тех, кто его покинул.

Консул получал сведения из разных источников, в том числе – весьма надёжных, которые ни за что и никогда не позволили бы себе обман или слив непроверенной информации, однако самым важным докладчиком считал Схинки, полностью доверяя и его преданности, и его чутю. Что же касается покинувших Тайный Город жителей, эту тему Кон-

сул воспринимал весьма болезненно и обязательно поднимал на всех совещаниях.

– Поток беженцев постепенно иссяк, – уверенно доложил орангутан, и его твёрдый голос и полное отсутствие ужимок указывали на то, что он не сомневается в своих словах. – Сейчас уезжают единицы.

– Те, кто не сбежал в самом начале?

– Да, заурд, те, кто не сбежал по тем или иным причинам.

Неожиданная и резкая смена власти – а все понимали, что выход на большую сцену Консула и создание Альянса означает падение Великих Домов, – вызвала у жителей Тайного Города вполне объяснимую панику. Если не у всех, то у многих. Они привыкли к спокойствию, но ухитрились пережить множество катаклизмов и знали, что любой из них сопровождается жёсткими, а порой и жестокими действиями, поэтому предпочли отсидеться в тихих гаванях.

– Возвращаются?

– Возвращаются, но пока в мизерных количествах, – признал Схинки. – Полагаю, сейчас начали приезжать те, кто сбежал, не думая о последствиях, поддавшись общему настроению или поверив слухам. Теперь они поиздержались на чужбине и едут домой.

– Таких не трогать, – распорядился Консул. – Встречать дружелюбно, о бегстве не напоминать, жить, работать или заниматься бизнесом не мешать. Считаем, что они просто ездили в отпуск, а теперь вернулись. Пусть те, кто ещё не

вернулся, видят, что Альянс не собирается их преследовать.

– Да, заурд, именно так. – Схинки чуть склонил голову. – Я отдал необходимые распоряжения сотрудникам Внутренней Агемы и тщательно объяснил нашу позицию лидерам Ордена и Зелёного Дома.

– Молодец.

– Спасибо, заурд.

Они разговаривали в небольшом личном кабинете, надёжно защищённом, предназначенном для самых деликатных переговоров. Консул сидел за столом, параллельно проглядывая бумаги, орангутан развалился в кресле напротив, заложив верхние лапы за голову, а нижние забросив на хозяйский стол. Но, несмотря на вольную позу, отвечал он чётко, серьёзно и по существу.

– Как настроение жителей после «ночи MG»?

После бурного, немного взбалмошного, но при этом кровавого выступления недовольной появлением Альянса молодёжи. Аббревиатура «MG» расшифровывалась как «Must Go!» – эта фраза стала девизом Сопротивления, и при этом – модной маркой одежды. И теперь жители Тайного Города поделились на две группы: тех, кто без стеснения носил футболки, джинсы и прочие шмотки с логотипом Сопротивления, и тех, кто пока не вынимал их из шкафа.

Консула не любили. Он же не гнался за любовью, решив выстроить образ жёсткого, но справедливого руководителя.

– В Тайном Городе восприняли наши шаги в точности так,

как было рассчитано: мы показали, что будем терпеть враждебные выходки достаточно долго, но когда нас достанут – и тем более, когда против нас попробуют применить силу, – будем действовать предельно жёстко. Жители это поняли. К тому же я доволен тем, как работает пропаганда: о каждом убитом жителе Тайного Города – неважно, был ли он в Сопротивлении или сражался в рядах Альянса, составлен подробный видеоотчёт с указанием где, когда и как он погиб. Я объяснил журналистам, что нам скрывать нечего, но за каждую попытку выставить нас в дурном свете они заплатят головой. Мне нужны честные отчёты, и я их получил. Жители и это поняли.

– А журналисты?

– Среди них крайне мало убеждённых сторонников Альянса...

– Есть скрытое сопротивление?

– Конечно?

– И что ты будешь с этим делать?

– Не «что», а «как», – ответил орангутан. – Будем постепенно менять на лояльных.

– Через некоторое время все станут прикидываться лояльными.

– А я буду прикидываться, что верю им. Но ничего не забуду.

– Заменишь?

– Обязательно.

– Хорошо...

Консул прекрасно понимал важность медиа в современном мире, однако не мог охватить всё и приказал Схинки контролировать не только Агему, но и информационное пространство, и знал, что помощник не подведёт.

– Мы накажем всех сотрудников Внутренней Агемы, которые тем или иным образом нарушили приказ действовать жёстко, но не жестоко. Каждый случай гибели протестующего будет тщательно расследован и если окажется, что жителя Тайного Города убили без причины – мы это признаем. Но при этом я собираюсь примерно наградить тех, кто действовал в точном соответствии с инструкциями, даже если они кого-то убили. Это укрепит дисциплину в Агеме и покажет жителям, что мы соблюдаем правила.

– Согласен... – Консул перебрал пару бумажек, одну подписал, помолчал и продолжил расспросы: – Что говорят в Городе о событиях на Солянке?

– Я делаю всё, чтобы вывести эту историю из медийной повестки.

– Я понимаю, что ты это делаешь. Но что говорят жители?

– Я запустил слухи...

– Схинки!

Орангутан понял, что дальше тянуть с ответом больше нельзя, вздохнул и стал абсолютно серьёзен. Однако позу не изменил.

– Ну, конечно, жаль, что у нас ничего не получилось, за-

урд, потому что в этом случае мы бы отдали подростков родителям целыми и невредимыми, они рассказали бы, что им несколько часов читали лекции о том, что бунтовать против Альянса нехорошо, что, собственно, в определённом смысле было бы правдой, и все были бы довольны. Теперь же получилось так, что мы готовили в подземелье нечто страшное, чуть ли не варить детей заживо, а Джира и другие члены Сопротивления их отбили. В определённом смысле слова это тоже правда.

Консул кивнул, но промолчал, чертя на чистом листе бумаги кривые линии.

– Мы выглядим жестокими по отношению к детям, и глупыми, потому что проиграли. – Схинки выдал недовольную гримасу. – Я считаю, что в данном случае было бы идеально устроить показательную расправу.

– Над кем? – равнодушно поинтересовался хозяин кабинета.

– Над тем, из-за кого нас выставили дураками.

Консул идеально хранил свои эмоции, сохраняя невозмутимость даже в самых сложных ситуациях. Что же касается Схинки, то он, обладая неменьшим умением скрывать чувства, в некоторых случаях нарочно выставлял их напоказ, изображая себя импульсивным и эмоциональным. И как же ошибались те, кто на это покупался...

Консул к их числу не относился. Однако знал, что помощник очень близко воспринял предательство центура Машара

и жаждет его крови. Или же орангутан ревновал, видя, что хозяин хорошо относится к чуду, и потому был не прочь его прикончить.

Что расходилось с мнением Консула.

– Если мы казним Машара, то признаем, что в подземелье готовилось нечто неприятное, хотели нанести вред детям. А учитывая, что мы проиграли...

– Все и так знают, что мы проиграли. – Схинки не часто позволял себе перебивать заурда. Только когда выставлял эмоции напоказ.

– Казнь покажет, что мы расстроены, – терпеливо ответил Консул.

– И что?

– Игра продолжается, Схинки, и Машару ещё предстоит сыграть важную роль.

Несколько мгновений орангутан молчал, после чего почесал подбородок и выдал недовольную ужимку. Он явно обдумывал слова хозяина, прикидывая, чем может быть полезен оказавшийся предателем чуд, поэтому Консул продолжил:

– Ты слишком зол на центура Машара. – Продолжил мягко, давая понять помощнику и другу, что понимает его эмоции.

– Давайте называть его командором, заурд? – попросил орангутан. – Машар предал Внутреннюю Агему и больше не является её центуром.

– Хорошо, в этом ты прав.

– Чем он будет нам полезен?

– Тем, что за него сильно переживают.

– Маленькая шаса?

– Маленькая и очень талантливая шаса, которая обладает большим авторитетом среди молодых жителей Тайного Города.

– И которую следовало бы казнить после того, что она направила в «ночь МГ» и на Солянке.

– Которая близко знакома с Джирой и Бри.

А вместе они составляли троицу молодых девушек, неожиданно бросивших вызов всемогущему Консулу. И бросили настолько успешно, что лидер Альянса стал расценивать их в качестве серьёзной угрозы.

– Хотите их расколоть?

– Хочу их разорвать. И маленькая шаса нам поможет.

– Кто из них вам нужен? – вдруг спросил Схинки.

Он просчитал все возможные варианты и понял, что Консул ни за что не испугался бы просто лидеров Сопротивления, пусть даже талантливых ведьм, которыми, если быть откровенным, должна заниматься Внутренняя Агема, а не лидер Альянса. Могущественный первый князь опасался чего-то более серьёзного. Кто-то из троицы его пугал, и орангутан решил выяснить – кто?

– Бри, – коротко ответил Консул.

– Я могу узнать, почему именно она?

Консул отложил карандаш и посмотрел помощнику в гла-

за.

– Во-первых, Джира – боец, а в ближайшее время столкновений не будет, поэтому её на какое-то время спрячут, чтобы избавить от нашего преследования и позволить сформировать полноценную боевую группу. Джира достаточно ярко заявила о себе и теперь станет накапливать силы, периодически выступая в Сети для поддержания духа среди сторонников. Во-вторых, я уверен, что именно Бри разорила Преображенское кладбище. Уверен, потому что видел запись нападения на неё рыцарей, из-за которого она не сумела помочь подругам.

– Ага, – сказал Схинки. – А можно и мне посмотреть видео?

– Во Внутренней Агеме должна быть запись.

– Понятно.

– Так вот... – Консул выдержал паузу, из чего Схинки сделал вывод, что он относился к происходящему предельно серьёзно и тщательно подбирает слова. – Я не очень хорошо понял, что во время нападения чудов сотворила Бри, но уверен в одном: она должна была умереть. Но не умерла.

– Ага.

– Я не в состоянии это объяснить.

– Ага.

Консул недовольно посмотрел на орангутана, но делать замечание не стал.

– Поэтому приказал Гранни тщательно расследовать ра-

зрение старого кладбища под Санкт-Петербургом.

– А я всё думаю: куда она подевалась? – Схинки мастерски изобразил животное удивление. – А потом хлоп – и сообщение... из города на Неве.

– Я был занят и велел Гранни докладывать о происходящем тебе.

– Как я понял, на кладбище случилось то же, что здесь, на Преображенском, только деликатнее: без разрушений и уничтожения памятников. Бри, если это была Бри, даже попыталась замести следы, но у неё не получилось.

– Она выкопала кости?

– Из шести могил.

Консул поджал губы, но комментировать сообщение не стал. Кивнул, велел продолжать, и Схинки продолжил:

– Затем Гранни решила попить кофе с видом на Зимний дворец, и у неё возникли проблемы с беженцами из Тайного Города.

– На неё напали? – поднял брови Консул.

– Публично искупали в неподобающем месте.

– Гранни пострадала?

– Только её самолюбие.

– И наше, – негромко произнёс Консул. – Пусть Гранни накажет обидчиков.

– Каким образом?

– На её усмотрение.

Муниципальный жилой дом

Москва, улица Большая Серпуховская

– Как скажу – так и будет! – отрезал Штыпсель, которому изрядно надоело нытьё подчинённых бойцов. – Никакого грабежа и шума, въехали? Всё делаем культурно и через модные артефакты, которых у меня полные карманы. Заходим – уходим, и чтобы ятаган не затупился, въехали?

В целом бойцы, конечно, въехали, однако неожиданная смена привычной парадигмы привела их несложные мозги в такое замешательство, что даже грубый тон вожака не заставил их заткнуться.

– Слышь, уйбуй, а что, так можно? – немного нервно поинтересовался Коззявый. Тщедушный и потому трусливый боец, который сам себя предпочитал называть осторожным.

– А почему невозможно? – вопросом на вопрос ответил Штыпсель.

– Ну, потому что раньше нам Великие Дома внятно запрещали грабить артефактами, потому что мы тогда режим секретности могли нарушить, Службу утилизации подставить и нам стучали по шапкам, и даже по головам тоже.

Высшие маги Тайного Города прекрасно представляли, к чему может привести бесконтрольное применение дикарями разного рода артефактов, и зорко следили за тем, чтобы Шапки пользовались ими с достаточной осторожностью. И, разумеется, строго запрещали применение магии в криминальных делах. То есть в повседневной дикарской жизни.

– И где теперь Великие Дома? – буркнул боец Жбан.

– Тута вокруг сидят, – немедленно отозвался Коззявый. –

Никуда не делись.

– Тута сидят, но делами своими занимаются. Не до нас им.

– А кому до нас? Внутренней Агеме?

– Им тоже не до нас, они Великими Домами занимаются – следят, чтобы те сидели тихо и никуда не делись.

Боец Жбан получил прозвище за размер и форму головы. Все говорили, что он мутант, но боец отвечал, что просто умный, и лез в драку. И, наверное, был в чём-то прав, потому что иногда выражался чересчур витиевато, производя на сородичей неизгладимое впечатление сомнительными речевыми оборотами и знанием подозрительно сложных слов.

Несколько секунд дикари осознавали высказанные Жбаном идеи, после чего Штыпсель вернул себе слово:

– В общем, въехал, боец? Не бойсь, теперь – можно. Стало.

– Да почему можно?

– Потому что теперь – не раньше.

Штыпсель надеялся, что внятный, а главное – вдумчивый и аргументированный ответ заставит Коззявого заткнуться, но просчитался.

– А как же по шапке? – напомнил трусливый боец. – Вдруг настучат? Ведь и Великие Дома тута, да ещё Внутренняя Агема тута, и Служба утилизации никуда на фиг не делась. И все только и ждут, чтобы нам настучать.

Вновь услышав осторожные, то есть трусливые слова Коззявого, воспрянувшие было бойцы напряглись и принялись переглядываться.

– Дерзко мы сейчас заходим, уйбуй, – продолжил нить боец. – Как бы не обломилось, в натуре, давай лучше как раньше: с пальбой и дракой?

И выгодное дело оказалось под угрозой срыва, потому что Урбек Кумар несколько раз повторил Штыпселю, что всё должно пройти в абсолютной тишине. Дело, до начала которого оставалось минут пять-семь, и только Красные Шапки с их нестабильно мятущимся складом характера могли устроить сомнительный аттракцион перед самым ограблением.

– Козёл, – прошипел Штыпсель.

– Что? – не понял боец Козел.

– Это я не тебе, это я ему.

– Ему это кому?

Догадливость в число дикарских добродетелей не входила примерно никогда. А уж выходцев из клана Дуричей это касалось в первую очередь.

– Да, уйбуй, ты кого из нас козлом назвал? – поинтересовался умный Жбан.

– Тому, кто мешает нам поднять кучу бабла.

– Как бы нас за это поднятое бабло потом не взяли и не подвесили, – попытался продолжить Коззявый, но получил тычок в глаз, пискнул и заткнулся.

– Значит, так, – веско произнёс Штыпсель, оглядывая

подчинённых. – Я это бабло подниму точно, въехали? А делить его стану только с теми, кто его со мной поднимет. Вопросы есть? – И демонстративно посмотрел на часы: – Дело, в натуре, верное, даже ятаган не затупится, но если кто хочет усвистать – может усвистывать сейчас и полы мыть в «Средстве от перхоти» за полстакана вискаря дешёвого. Въехали?

– В «Средстве» полы не моют, – заметил боец Жбан. – Там опилки по полу.

– Опять умничаешь?

– Вообще не умею.

И Жбан так вытаращился на уйбуя, что стало абсолютно понятно – не умеет, а если вдруг получилось, то это голова виновата. Одно слово – мутант.

– Короче, бойцы, кому бабло не нужно?

Бабло оказалось нужно всем.

– Вот и хорошо, что въехали, – ощерился Штыпсель. И снова посмотрел на часы: – Короче, вы знаете, что делать.

Эту фразу он услышал в далёком детстве в каком-то боевике и полюбил на всю жизнь. Но в суровой реальности дикарей реакция на её произнесение частенько не совпадала с реакцией целлулоидных героев блокбастеров.

– Что делать? – не понял Козел.

– То, что я прикажу! – рявкнул уйбуй. – Приготовились!

Бойцы отвернулись от Штыпселя и послушно приготовились, то есть уставились на дверь подъезда. Которая как раз распахнулась, и из дома вышел худощавый невысокий муж-

чина в неброском сером костюме. Во дворе он пробыл недолго: уселся в «Range Rover» и уехал, провожаемый завистливыми взглядами дикарей, которые катались на достаточно пожилом «Таное», но, правда, тоже чёрном, что хоть как-то сглаживало их переживания.

– Красивое... – протянул Козел.

– Дорогое, – добавил Коззявый.

– Крутое, – вздохнул Жбан.

– Скоро и у нас такой же будет, – пообещал Штыпсель.

– Точно?

– Если не веришь – оставайся здесь.

– Да верю я, верю, – уныло ответил Коззявый. – Тока боязно чота.

– Когда речь про бабло, ничего не может быть боязно, въехал! – провозгласил уйбуй и решительно направился к подъезду.

Засаду Красные Шапки организовали в самом удобном месте: во внутреннем двореке дома, на детской площадке. Но устроили её по всем магическим правилам – скрыв себя от посторонних глаз артефактом морока, а от расставленных по периметру дома охранных видеокамер – артефактами «накидка пыльных дорог». И потому были уверены, что останутся невидимыми и для заурядных челов, и для хитроумных технических приспособлений. И ещё не сомневались в том, что с лёгкостью окажутся в квартире, несмотря на принятые хозяином меры безопасности. И тоже – благодаря ма-

гическим артефактам, которыми дикарей снабдил деловой Урбек Кумар, проведший серьёзную подготовительную работу, включающую тщательную разведку местности.

«Задача настолько простая, что вы справитесь без труда. Заходите – забираете – уходите, – сказал он на импровизированном совещании. – Вопросы есть?»

Вопросов у Штыпселя оставалось огромное количество, главный из которых звучал так: «Если всё так просто, что даже ятаган не затупится, почему ты сам бабло не поднимешь, а с нами готов делиться?», однако задавать его и остальные, среди которых были: «Почему арбуз называют ягодой?» и «Когда, в конце концов, челы придумают голосовой мессенджер, а то тексты набивать лень?», уйбуй не стал. Во-первых, очень хотелось денег. Во-вторых, поиздержавшейся десятке деньги были крайне нужны. В-третьих, доверие Урбека дорогого стоило, и если откажешься, кто знает, предложит ли он когда-нибудь ещё выгодное дельце?

А дельце было не просто выгодным, а супервыгодным. И, по словам Урбека, абсолютно безопасным. Впрочем, не только по словам: двери в подъезд и квартиру приветливо распахнулись, едва познакомившись с выданными скупщиком краденого артефактами. В первом случае хватило «Универсальной удалённой отмычки» (№ 93 в каталоге «Что делать, если потерял ключи?», позиция не покидает топ-десять продаж на протяжении ста восемнадцати лет), а чтобы оказаться в квартире, пришлось дополнительно воспользоваться ар-

тефактом «Не буди лихо» от независимого производителя, чтобы обойти сигнализацию. «Не буди лихо» был не таким раскрученным, как лидеры продаж этого сегмента, артефакты «Молчание ягнят» и «Спокойствие, только спокойствие», но работал надёжно, в чём неоднократно убеждались контрагенты Урбека Кумара. Вот прагматичный шас и решил сэкономить.

Дикари проскользнули в прихожую, закрыли за собой дверь и замерли, разглядывая чужое жилище.

– Мля, сколько же здесь комнат? – выдохнул Коззявый.

– Пять, – коротко ответил Штыпсель.

– И тачка у него крутая, – проворчал завистливый Жбан.

И потрогал висящую на вешалке куртку. – Кожаная... уйбуй, можно взять?

– И у тебя такая будет, – не оборачиваясь, ответил Штыпсель.

– Куртка?

– Тачка.

– А куртку взять можно?

– Главное, не заблудиться тут, – протянул Козел.

– У тебя компаса нет, что ли? – хихикнул Коззявый.

– А у тебя нет?

– Нет.

– Вот и молчи.

– Заткнитесь все, – гаркнул Штыпсель. – Дело надо делать, пока ятаган не затупился. А про компасы потом обсу-

дите или купите себе новые, золотые.

– Как человеческие унитазы?

– Как человеческие унитазы.

– А тут золотой?

– Не знаю, сам проверь.

– А куда идти?

– Мля, кто-нибудь, дайте ему, наконец, компас!

Гигантская и роскошно обставленная квартира произвела на дикарей неизгладимое впечатление, поскольку не шла ни в какое сравнение с казармой Южного Форта, из которой они только что прибыли. Витражи на стенах и потолках, резная мебель, зеркала, дорогая аппаратура... Минут пять Красные Шапки привыкали к чужому богатству, после чего попытались приступить к мелкому воровству, например, распахнуть по карманам серебряные ложки, но были остановлены озверевшим уйбуром:

– Не будьте кретинами! Нам не это нужно!

– А что?

– А то! – Штыпсель указал на запертые помещения.

– Тут снова дверь железная и замок трудный, – посетовал Коззявый.

– А что там? – осведомился любознательный Жбан.

– Я знаю, что там, – важно ответил уйбур, подходя к первой двери. – Мы туда шли.

– Куда?

– Туда.

– А разве мы не пришли? – Козел оглядел богатую обстановку. – Тут всего много.

– А там ещё больше.

Обжитыми в огромной квартире были только три помещения: кухня, гостиная и спальня. Ну, и прихожая с ванной, конечно. А три другие комнаты – их окна выходили на улицу – оказались защищены металлическими дверями, не менее мощными, чем входная, с собственной системой сигнализации и электронными замками.

– Это, ваще, что?

– Это, ваще, сейф, – ухмыльнулся Штыпсель. – Три сейфа.

И открыл первую дверь, вызвав у столпившихся за его спиной подчинённых вопли подлинного изумления.

– Это оно?

– Это они?

– Это наше?

– Наше, но не всё, – вздохнул уйбуй.

– Как это не всё? – оскорбился жадный Козел.

– Мы тут за долю работаем, – объяснил Штыпсель. – Въехали?

– Грузчиками, что ли?

– Считай, что да.

– Так вот зачем ты грузовик велел угнать, – догадался Жбан.

– Потому и велел, – согласился уйбуй. – В джипе такую добычу не увезти.

Потому что комната – все три комнаты! Были заставлены упаковками с деньгами. С самыми разными деньгами, как рублями, так и не очень, но все они были настоящими, а купюры, сдавленные прозрачным пластиком, радовали дикарские взгляды крупными номиналами.

– Здесь какой-то богач живёт?

– А ты ещё не догадался?

– Унитаз проверить забыли, вдруг и правда золотой?

– Хочешь вырвать?

– Хочу в него сходить. Что-то захотелось. – Коззявый помолчал. – Да и когда ещё получится?

– Турист, мля.

– Почему?

– Потому что достопримечательности разглядываешь! – заржал Жбан.

Вид тонны, если не больше, денег произвёл на дикарей ещё большее впечатление, чем роскошная обстановка, однако тот факт, что упаковки – ну, часть упаковок – скоро перейдут в их собственность, помог Красным Шапкам быстро опомниться.

– Мы как эти... робингуды, – Козел подошёл к нагромождению денег и ласково его погладил. – Забираем у богачей и оставляем себе.

– Въехал, – одобрил Штыпсель.

– А если тот чел – богач, то зачем он бабло в квартире под замком держит? – спросил трусливый Коззявый. – Богачи

ведь блоги модные ведут, на тачках без правил рассекают и с девками на яхтах.

– У этого тоже тачка крутая, – напомнил Козел. – Как у нас которая будет.

– Если он не богач, то, наверное, тоже робингуд: берёт у богачей, – предположил умный Жбан.

– А мы, типа, робингуды робингудов?

– Получается, мля.

– Хватит получаться, работать пора. – Штыпсель набрал номер водителя, который ожидал сигнала за рулём грузовика, но замер, услышав, что входная дверь в квартиру стала открываться. – А это ещё что?

– Я имею право на телефонный звонок!

– Я ведь сказал, что это право у вас никто не отнимает, – твёрдо ответил дознаватель. – Но сначала вы обязаны допустить нас в квартиру. В противном случае мы выломаем дверь. – Подумал и уточнил: – Все двери.

Ордер на обыск был оформлен по всем правилам, операторы вели съёмку происходящего, и у хозяина квартиры не было причин отказывать оперативникам. К тому же он понимал, что угроза выломать дверь не была пустым звуком. Выломают – имеют право.

– Что вы ищете?

– То, что вы храните у себя дома.

– Вы за это ответите, – буркнул хозяин, доставая ключи.

– Сначала придётся ответить вам, гражданин Мыкольченко.

– Называйте меня полковником.

– Позвольте я сам буду решать, как вас называть.

Дверь распахнулась, и в большой квартире стало шумно и немножко тесно – в зашедшей бригаде ФСБ было не менее пятнадцати человек, в том числе – вооружённые автоматами спецназовцы.

В первое мгновение Красные Шапки дружно вскинули дробовики, направив их на незваных гостей, и приготовились сражаться за своё бабло. Во второе мгновение сообразили, что ворвавшиеся в квартиру полицейские их не видят, и окончательно расхрабрились.

– Давай их убьём? – кровожадно предложил обычно осторожный Коззявый.

– Сдурел? – прошипел Штыпсель. – Нам же велено без шума!

– А как без шума, если они здесь?

– И не просто здесь, мля, а притащились за нашими деньгами, – добавил умный Жбан.

– Уверен?

– А зачем ещё? Автоматы не видишь?

Автоматы спецназовцев послужили для дикарей чётким маркером того, что человекские агенты прибыли решать наболевшие финансовые вопросы.

– То есть они тоже робингуды робингудов? – уточнил Козел.

– Получается, что они робингуды робингудов робингудов, – ответил Жбан. – Потому что они думают, что пришли грабить человекского лоха, а грабят, получается, нас.

– Но мы не лохи, – пискнул Коззявый.

– Да, давай не будем.

И Шапки дружно, но не дружески, перевели взгляды на вожака, изображая на физиономиях давным-давно поставленный в России вопрос: «Что делать?» Но ответить на него без помощи единственного дикарского средства интеллектуальной стимуляции уйбуй не мог. Штыпсель достал из кармана фляжку, сделал большой глоток виски – подчинённые дружно сглотнули – и вновь взялся за телефон:

– Сырок!

– Я! – мгновенно отозвался сидящий за рулём грузовика боец.

– Подгони машину под окна... С улицы которые, понял?

– Туда же нельзя, – растерялся молодой дикарь. – Там же газон. Увидят и штраф выпишут.

Несколько мгновений уйбуй смотрел на ближайшего спецназовца, возможно, размышляя о том, почему не родил-

ся челом, после чего злобно осведомился:

– А то, что ты сидишь в угнанной тачке, тебя не напрягает? За это штраф не выпишут?

– За это срок выпишут, – беззаботно ответил Сырок. – А почему ты спрашиваешь? Тачку полицейские заметили? Тут их много, кстати.

– Кретин! – рявкнул Штыпсель. – Тебя, дурака, морок прикрывает, въехал? Так что гони по газону под окна – будем дело делать.

– А-а, морок... – Сырок завёл двигатель. – А под какие окна?

– Ща Коззявый из них высунется... Высуньте Коззявого в окно.

– Я не хочу! – взвизгнул боец.

– Только не выбрасывайте! Он ещё свою долю отработать должен.

Козел распахнул окно и мощным ударом «кузнечного молота» выбил защищающую его решётку. Жбан продемонстрировал водителю Коззявого, и грузовик подъехал к дому. Предусмотрительный Урбек велел контрагентам угнать машину с открытым кузовом, без тента, поэтому дополнительных усилий – ни интеллектуальных, ни физических – от шофёра не потребовалось.

Штыпсель же убрал телефон и посмотрел на подчинённых:

– Въехали, что нужно делать? Работать придётся очень

быстро.

И взялся за ближайшую упаковку денег.

– Так, с бюрократической частью вроде закончили, – проворчал руководитель бригады, заполнив последнюю строчку. И с облегчением выдохнул. Необходимость соблюдать все положенные формальности, чтобы адвокатам владельца квартиры – полицейского полковника Мыкольченко, не было за что зацепиться, привела к тому, что запланированный энергичный обыск начался с заполнения бумажек, которое мрачный Мыкольченко всячески задерживал. Но теперь скучные процедуры остались позади и можно было приступить к тому, ради чего сотрудники и прибыли.

– Откройте, пожалуйста, вот эту комнату. – Руководитель указал на первую запертую дверь.

«Хорошо, что мы начали с неё», – похвалил себя потный Штыпсель, перетаскивая к окну очередную упаковку.

Присутствие челов заставило дикарей продемонстрировать абсолютно невероятную для них трудоспособность и очистить уже два помещения. В третьем ещё оставалось немного сбережений скромного полковника, но уйбуй не сомневался, что они справятся. Коззявый, правда, ныл и порывался смыться, уверяя, что содержимого двух предыдущих комнат вполне достаточно для долгой и безбедной жизни,

но получил в глаз и теперь старательно вкалывал наравне со всеми.

– Открывайте, гражданин Мыкольченко.

Хозяин квартиры угрюмо подчинился, отключил сигнализацию, открыл два механических замка, затем набрал шифр на электронном, распахнул дверь, сделал шаг в комнату и замер, разглядывая голые стены.

– Не успели наполнить? – улыбнулся руководитель бригады. – Или успели потратить? – Мыкольченко не ответил. – Откройте, пожалуйста, следующую комнату.

Которая тоже оказалась пустой.

На этот раз руководитель бригады не смог скрыть разочарования и протянул:

– Странно...

– А уж как мне странно, – едва слышно прошептал ничего не понимающий Мыкольченко.

– Что вы сказали?

– Вам послышалось.

– Откройте, пожалуйста, третью комнату, – распорядился руководитель, предчувствуя нехорошее.

– Бежим! – пискнул Коззявый.

– Время есть, – буркнул Штыпсель, ковыряясь с «Универсальной удалённой отмычкой». – Деньги поднимай, сволочь.

На полу оставалось четыре упаковки, и уйбуй не собирался их оставлять.

– Открывайте!

– Дверь заклинило, – ответил Мыкольченко.
– Не надо с нами шутить!
– Я не шучу!
– Мы её ломаем.
– Да пожалуйста. – Хозяин квартиры пожал плечами и сделал шаг в сторону. – Делайте что хотите, я правда не могу её открыть.
– Ломайте! – приказал руководитель.
– Тут «болгаркой» не справиться, – ответил один из спецов.
– Взрывать её, что ли?
– Как скажете. – Спец в последний раз надавил на ручку, и дверь неожиданно подалась. – Во! Отклинило!
Руководитель оттолкнул его, ворвался внутрь, огляделся и яростно посмотрел на Мыкольченко.
– Где деньги?
– Какие деньги? – проявив чудеса самообладания, поинтересовался в ответ хозяин квартиры. – И, кстати, объясните, в конце концов, что вы ищете в моём доме?

– Деньги... – с совершенно невозможной для себя ласковостью произнёс Штыпсель Дурич. – Баблосики мои ненаглядные... Денежки...

Уйбуй блаженствовал, лёжа на сваленных в кузове грузо-

вика упаковках, и не мог думать ни о чём ином, кроме как:

– Денежки...

– Жалко, что не наши, – вздохнул Козел. И тут же поправился: – Не все наши.

– Похрен, мля, въехал? – отозвался Штыпсель, но без раздражения, с прежней ласковостью. – Мы долю поднимем серьёзную.

– А может, кинем Урбека? – несмело предложил Коззявый. – Ща грузовик сменим, парики напаялим – и в Вологду. Там с такими деньжищами можно круто развернуться.

– А почему в Вологду? – не понял Козел.

– А куда ещё?

Некоторое время дикари размышляли над вопросом Коззявого, после чего единодушно пришли к мнению, что больше действительно некуда.

– Разворачиваться ты будешь ровно столько, сколько от Урбека сворачиватели приедут, чтобы тебя, дурака, наизнанку вывернуть, – продолжил журчать Штыпсель. – Старый барыга даром что на дело не ходит – следить за тем, чтобы его не кинули, он умеет.

– Пойди найди нас в Вологде, – не согласился Коззявый. – Запарится, в натуре.

– Да ему тебя сыскать – раз плюнуть, а приказать на ятаган насадить – и того меньше. – Уйбуй сладко зевнул. – Вы, бойцы, осознайте, что мы тута грузчики, а денежки эти – Урбека, въехали? А раз въехали – помалкивайте.

Штыпсель потёрся щекой об упаковку каких-то не-рублей, однако вернуться в блаженное состояние ему не позволил Жбан.

– Слышь, уйбуй, мы когда в квартиру входили, ты морок выключил?

– Ага, – подтвердил Штыпсель. – Зачем он нам?

– А когда челы пришли – включил?

– Конечно включил, дубина, иначе они бы нас заметили, въехал?

– И «накидку пыльных дорог»?

– И «накидку пыльных дорог», дубина, там же челы с видеокамерами шныряли. – Уйбуй приподнялся на локте и посмотрел на чересчур смышлёного бойца. – А почему спрашиваешь?

– Да я подумал... – Жбан почесал затылок. – Вот мы сейчас уехали, а что там челы видят?

– Как такое возможно? – очень тихо спросил руководитель бригады.

– Не знаю, – честно ответил оператор. – Понятия не имею, но факт есть факт.

– Да, факт есть факт... – протянул руководитель. И крепко выругался.

Потому что этот факт мог стоить ему карьеры.

После того как в результате обыска, который должен был увенчать двухлетнее расследование, не было найдено ничего, руководитель отправился в туалет, в котором долго, почти пять минут, пинал ногами золотой унитаз, бессильно матерясь сквозь зубы. Взяв себя в руки, умылся, вышел, стараясь держаться предельно спокойно, с удивлением обнаружил, что растерянность, появившаяся в поведении Мыкольченко после вскрытия сейфовых комнат, его до сих пор не оставила, а затем зашёл в одну из них, где ему продемонстрировали выломанную оконную решётку.

– Разве она не была целой, когда мы открыли комнату?

– Была, – подтвердил оператор. – У меня видео есть.

И он показал запись: Мыкольченко открывает сейфовую дверь, они входят в комнату, осматриваются, решётка цела. Оператор покидает комнату. Затем его зовут вновь – руководитель в это время пребывает в уборной – оператор входит в комнату и снимает грубо выломанную решётку. И так во всех трёх помещениях.

И как прикажете это понимать?

– А понимать это следует так, – мрачно сказал руководитель. – Твоя запись – единственное доказательство того, что это не мы прикарманили три с лишним тонны денег, которые здесь хранились.

*Некоммерческое общественное объединение
по исследованию перспективных и прочих явлений*

Москва, Петропавловский переулок

Договориться об аудиенции оказалось на удивление легко.

Только потом, много позже, анализируя состоявшийся разговор, Лисс поняла, что её звонка ждали и каждая деталь встречи были тщательно продумана. Потом поняла. А тогда удивилась тому, что секретарь Внутренней Агемы с лёгкостью согласился «передать господину Схинки, что с ним хочет поговорить Лиссет Кумар». Думала, придётся подождать день, а то и два – если ближайшему помощнику Консула вообще передадут её послание, – однако Схинки перезвонил часа через полтора, ближе к вечеру... Сам перезвонил! И спросил, чего она хочет? Спросил без агрессии и злости, равнодушным тоном показав, что мог бы и не перезванивать, но воспитание обязывает. Всё-таки какие-никакие, а знакомые. Девушка ответила, что ей очень нужно поговорить с Консулом. Уточнять, по какому вопросу, Схинки не стал, понимал, что после всего случившегося беспокоить Консула по пустякам Лиссет не посмеет. Сухо ответил: «Я посмотрю, что можно сделать» и положил трубку. А совсем поздно, почти в полночь, пришло текстовое сообщение со временем и адресом, причём весьма неожиданным адресом. Девушка ожидала, что ей прикажут явиться в штаб-квартиру Внутренней Агемы, но её пригласили на Солянку. В неприглядный, не то чтобы невзрачный, но абсолютно ничем не выделяющийся двухэтажный особняк, каковых в старой Москве огромное множество. Ухоженный, но без фальши-

вого блеска дорогого ремонта, в ходе которого старые окна менялись на пластиковые пакеты, а все внутренности переделывались в угоду новым хозяевам. Нет. Домик и снаружи, и, как выяснилось позже, внутри хранил исторический облик, и нынешние его владельцы только мебель поменяли.

– Потому что раньше тут было какое-то унылое канцелярское дерьмо, подходящее для бухгалтерии присутственного места, – объяснил Схинки.

– Для бухгалтерии НКООИППЯ? – уточнила Лисс.

– Ага.

– Что означает аббревиатура?

Медная табличка слева от входной двери несла на себе только эти буквы, без расшифровки, и девушка решила начать разговор со светского вопроса.

– Некоммерческое общественное объединение по исследованию перспективных и прочих явлений.

– Сам придумал?

– Ага, – подтвердил орангутан. И честно признался: – Мне очень понравилась та чушь, которую Тыжеумер изобразил на твоём нынешнем доме, вот и решил сделать нечто подобное.

– Получилось неплохо.

– Спасибо.

Кабинет Схинки на первый взгляд показался обыкновенным: письменный стол, сделанное на заказ кресло – орангутану плохо сиделось в тех, что предназначались для людей, – ноутбук. И полное отсутствие книг: ни одной полки, ни од-

ного шкафа. Но при этом барахла по комнате было разбросано такое количество, что помещение отчаянно напоминало помойку квартала миллионеров – столько в нём было дорогих, но не особенно нужных и по большей частью бессмысленных вещей: несколько мраморных статуй, от небольшой, настольной, до изящной нимфы в человеческий рост – размеры комнаты позволяли ей затеряться; золотой телефон дизайна начала XX века – «В рабочем состоянии, но я не пользуюсь»; вделанная в стену половина рояля – «Обещали собрать полностью, но мастер заболел, а потом я забыл. Но играть на нём можно»; груда соболей – шубы, куртки и отдельные меха, среди которых вилась длинная нить крупного жемчуга; сабля в украшенных драгоценностями ножнах; фотографии и фотоальбомы; игровой автомат «Морской бой» – «Сожрал все пятнадцатикопеечные монеты и не отдаёт»; и резная кушетка в углу.

– Иногда провожу психотерапевтические сеансы. Либи́до, детские травмы, воспоминания об умерших, лоботомия без хирургического вмешательства... в общем, всё по Фре́йду.

Лисс уже доводилось встречаться со Схинки и даже разговаривать с ним, однако она до сих пор не могла отделаться от странного ощущения при общении с орангутаном – ощущения нереальности происходящего. И это притом, что девушка сама была шасой и выросла в Тайном Городе, где слово «нереальность» применялось весьма редко и, как правило, в юмористическом значении.

– У тебя есть психотерапевтические проблемы? Можем ими позаниматься – кушетка весьма удобна.

– У меня других проблем достаточно, – ответила Лиссет. – Психотерапевтические на их фоне – полная ерунда.

– Другие проблемы ты оставила в прошлом, – ответил Схинки, намекнув на обещание Консула не трогать Лисс и простить девушке все прошлые грехи.

– Не все, – ответила девушка, намекнув, что готова вернуться к обсуждению своих отношений с новой властью. – Я хотела поговорить с Консулом.

– Все хотят, – пожал плечами орангутан. Он устроился в кресле, заложив верхние лапы за голову, а нижние забросив на стол, и смотрел на шасу... так же равнодушно, как говорил с ней по телефону.

– И что? – прищурилась девушка.

– Не у всех получается.

– Тогда, наверное, мне нужно подождать, когда у него отыщется время для встречи со мной?

– Ты помнишь, что он сказал тебе при расставании? – Схинки выдал резкую ужимку.

«Я не хочу тебя видеть».

Лисс помнила тот эпизод в малейших деталях: как она двигалась, что делала, что чувствовала. И прекрасно помнила выражение лица Консула, которое очень чётко говорило о том, что он пребывает в ярости от слова, которое вынужден был дать, чтобы Дориан прекратил сражение. И не по-

гиб. Консул не хотел смерти Дориана и потому простил его любимую.

– Я помню. – Девушка поднялась с кресла, в которое её усадил орангутан – красивое и удобное. Единственное в своём роде, потому что вся мебель в «помойке» Схинки была разномастной. – В таком случае я, пожалуй, пойду...

– Не спеши.

– Почему? Если он не хочет меня видеть, мне нечего здесь делать.

– Довольствуйся тем, что есть, – предложил орангутан.

– Точнее, тем, кто есть? – поняла шаса.

Однако на этот вопрос Схинки не ответил, продолжил свою мысль:

– Он не хочет тебя видеть, но, если он тебя увидит – он тебя не тронет. Понимаешь, что я имею в виду?

– Да.

– Цени это, Лисс. – Схинки поёрзал в кресле. – Да, он не хочет тебя видеть, но, когда ему доложили о твоём звонке, он не отмахнулся, а приказал мне тебя принять. И это, поверь, очень важный нюанс ваших нынешних отношений.

– У нас нет отношений. – Лисс постаралась, чтобы голос прозвучал твёрдо. – И никогда не было.

Однако у орангутана было собственное мнение на этот счёт.

– Были и есть, раз ты здесь, Лисс, – очень серьёзно ответил он, не сопроводив свои слова ужимками. – Мы оба знаем,

что тебе нужно было затаиться, лечь на дно и два-три месяца никак не проявляться. Но ты не продержалась и недели.

Всё так. Всё абсолютно так. Но...

– Мы оба знаем, что я не могла не прийти.

– Мы оба знаем, что ты обдумывала визит, размышляла над ним и над тем, что ты будешь говорить. Ты стала думать о нём с того самого момента, как шагнула в портал, оставив Машара на Солянке. Но думать о визите и решиться на него – это далеко не одно и то же. Нужна большая смелость, чтобы сидеть сейчас в кресле напротив меня. Ведь я, в общем, не в восторге от твоей выходки.

– Никто не в восторге, Схинки. Даже я.

– Потому что не получилось?

– Потому что получилось не так, как задумывалось.

Они спасли захваченных Внутренней Агемой подростков, вытащили их из подземелья Солянки, а главное – уничтожили череп птицы Какнис, уникальный ретранслятор, с помощью которого Консул мог массово обращать челов и жителей Тайного Города в своих преданных сторонников. Однако победа далась не просто. Джиря дралась в подземелье, и до сих пор оставалось загадкой, как ей удалось спастись самой и спасти ребят. Бри даже не сумела поучаствовать в сражении, хотя должна была стать главной ударной силой – её перехватили по дороге и едва не прикончили. А Лисс... Лисс осталась жива лишь благодаря самопожертвованию Дориана Машара.

– Вы сделали что хотели, но тебе пришлось много заплатить за эту маленькую победу. – Орангутан не сменил позу, однако голос его стал звучать очень проникновенно. – Заплатить больше всех.

И это тоже было правдой.

Лисс понимала, зачем Схинки высказал сейчас ядовитую правду – обострить чувства, переживаемые с того момента, как девушка шагнула на Солянке в спасительный портал. Разбередить душевную рану, из-за которой она вскакивала по ночам. Джира вышла на связь только один раз, сказала, что цела, после чего исчезла и больше не появлялась. Но, судя по рассказам спасённых подростков, с ней всё было в порядке. На Бри напали чуды, и, как до сих пор считала Лисс, подруга пострадала по собственной глупости. Атака выглядела страшной, однако Марина уже оправилась от ран. Лисс встретила подругу после Солянки, увидела, что Марина в прежней форме, и решила, что повреждения не были тяжёлыми.

А вот шассе удар прилетел в самое сердце.

– Да, мы заплатили... – очень тихо, через силу, произнесла Лиссет, смахивая с глаза слезу. Больше не было необходимости «держатъ лицо» – орангутан видел её насквозь. И говорил он теперь не только проникновенно, но очень мягко:

– Я хотел сказать, что лично с ним тебе пока лучше не встречаться: история с командором Машаром его задела, при этом он понимает, что Машар предал его из-за тебя. Он

соблюдёт договорённость, но лучше держаться от него подальше. Пока. Однако он хочет узнать, зачем ты явилась, и поручил мне представлять его. Так что мои уши – его уши. А моё слово – это его слово. Сейчас ты говоришь с ним. И если мы о чём-нибудь договоримся – это будет означать, что ты договорилась с ним. Я здесь он.

Раньше она бы с удовольствием пошутила, что Консул сильно изменился внешне, но сейчас эта мысль не пришла ей в голову. Девушка вздохнула, нервно провела пальцами правой руки по подлокотнику кресла и негромко сказала:

– Ты знаешь, что меня интересует в первую очередь.

Конечно знал. Однако сделал вид, что неправильно понял молодую шасу:

– Командор Машар жив, здоров и невредим. Мы его и пальцем не тронули.

– Я спрашивала о другом.

Услышал ли Дориан «слово князя»? Стал ли преданным сторонником Консула? Преданным навсегда, без возможности что-либо изменить.

– Он не трогал твоего командора, – медленно ответил Схинки.

Лисс не ожидала, что одна-единственная фраза способна принести настолько сильное облегчение. Конечно, не сама фраза, а то, что за ней стояло, но именно слова бальзамом легли на её израненную душу.

– Правда? – выдохнула девушка, изо всех сил стараясь не

расплакаться.

– Даю слово.

– Хотелось бы большей точности.

– Нет ничего более точного, чем его слово, – твёрдо произнёс орангутан. – И оно произнесено: Дориан прежний. Пока. – Схинки выдержал паузу. – Но в принципе, есть методика, позволяющая определить факт вторжения в разум.

– Но я ею не владею.

– Об этом ты должна была подумать до того, как явиться сюда. – Оспорить это утверждение было невозможно. – А раз не подумала, то придётся полагаться на его слово. Но я, признаться, не понимаю, что тебя смущает, Лисс. Ведь ты – живое доказательство того, что он держит слово. – Схинки помолчал и веско повторил: – Живое.

Всё так, всё абсолютно так. Шаса понимала, что Консул далеко не ангел, однако в их отношениях он вёл себя с щепетильной честностью. И упрекнуть его девушке было не в чем.

– Почему Консул не прочитал Дориану «слово князя»?

– Он очень хорошо относился к командору Машару, – ответил орангутан. – И продолжает относиться, невзирая на случившееся. Я знаю, что в это сложно поверить.

– Не ожидала, что Консул настолько сентиментален.

– Он умеет уважать сильных, даже сильных врагов. А командор Машар очень силен. Во всех смыслах... – говоря о Дориане, Схинки немного мрачнел. – Но вернёмся к нашему

разговору, Лисс, почему тебя интересует состояние командора Машара?

– Ты знаешь почему, – буркнула девушка. Теперь, когда разговор стал «деловым», ей расхотелось плакать.

– Я знаю почему, но мне нужно, чтобы ты это произнесла, – очень мягко, но абсолютно жёстко сказал орангутан.

– Я хочу, чтобы вы не трогали Дориана, – ответила Лиссет, не отводя взгляд от обезьяны, но не получая ответного взгляда – орангутан задумчиво разглядывал криво висящую картину. – И ещё я хочу, чтобы он был освобождён и полностью прощён.

– Это очень весомая просьба.

– Просьбы, – попыталась уточнить девушка, однако Схинки не согласился:

– То есть тебе будет достаточно, если мы не тронем командора Машара? Оставим гнить в камере, но не прочитаем ему «слово князя»?

– Недостаточно, – признала шаса.

– Поэтому – «просьба», – повторил орангутан. – Весьма весомая.

– Набиваешь цену? – скривила губы шаса.

– Ты сама подняла её на очень большую высоту, – ответил Схинки, изучая пальцы нижних лап. – Набивать дальше не имеет смысла. – Он резко посмотрел девушке в глаза. – Ты пришла и готова платить.

– Чем угодно, – ответила Лисс, не отводя взгляд. – Чем

угодно.

– Чем угодно не придётся. Ты знаешь, что нам нужно.

– Соппротивление?

Отвечать на вопрос орангутан не стал – пока, вместо этого он перешёл к совершенно неожиданной теме:

– Но возникает вопрос, Лиссет: действительно ли ты понимаешь последствия своего шага и готова их принять? Как отнесутся к предательству твои друзья? Те, кого ты сейчас называешь друзьями или считаешь таковыми? А они узнают. Мы сохраним нашу договорённость в тайне, даю слово, но они обязательно узнают. Или догадаются.

Девушка отвела взгляд.

– А самое главное – как воспримет твой поступок командор Машар? Ведь если он не услышит «слово князя», то останется нынешним, пропитанным принципами рыцарем...

– Он поймёт! – выкрикнула Лисс. – Поймёт!

Закричала очень громко, не ему закричала, не Схинки, который с сочувствием смотрел на девушку, а себе. Себе закричала, и потому – громко. И потому – отчаянно. Свой страх пыталась заглушить, потому что боялась, что орангутан окажется прав и Дориан... не поймёт. Ничего не скажет, он никогда ничего не скажет, в этом Лисс не сомневалась, но не поймёт. И она это почувствует. И это встанет между ними. И однажды, возможно, заставит расстаться.

Не поймёт...

– Зачем ты об этом спрашиваешь? – прошептала девуш-

ка. – Хочешь отговорить?

– Спрашиваю, потому что понимаю, почему ты здесь, и с уважением отношусь к твоему поступку... Да, именно к поступку, Лисс, поскольку явиться сюда – это поступок. Очень сильный поступок. Ты сказала, что готова платить любую цену, я вижу, что это действительно так, но хочу, чтобы ты понимала последствия принятого решения.

– Зачем? Тебе не всё равно?

– Я тоже уважаю сильных. И не хочу, чтобы ты сломалась после принятия по-настоящему сильного решения.

– Боюсь, я уже сломалась, – вздохнула девушка. – Ведь я пришла умолять.

– Ты пришла предложить сделку. – Орангутан поднял правую бровь.

– Разве у меня есть хоть что-то, что может быть интересно Консулу? Вряд ли его заинтересует наследство Лёни Тыжеумера?

– Всё верно – изыскания Клопицкого нам не нужны, – подтвердил орангутан.

– Хотя в своих исследованиях Лёня поднялся весьма высоко, – обронила Лисс.

– С той стремянки, на которую взобрался твой учитель, нельзя дотянуться даже до подошвы сапога Консула.

– Ты весьма пренебрежителен.

– Не думаю, что я ошибаюсь, но даже если так, сути дела это не меняет: наследство Лёни Тыжеумера нас не интересу-

ет.

Только предательство.

До сих пор в девушке теплилась надежда на то, что ей удастся обменять на любимого тайны идеального артефактора, каковым, без сомнения, являлся Леонид Клопицкий. Теперь она окончательно погасла.

– Условия сделки таковы: мы не зачитываем командору Машару «слово князя», мы освобождаем его, после выполнения тобой взятых на себя обязательств. И мы – если в этом будет необходимость – помогаем вам покинуть Тайный Город и навсегда оставляем в покое при условии, что вы не будете нам вредить. Это его слово, а слово он держит.

– Каковы мои обязательства? – в тон Схинки, так же холодно и по-деловому, спросила шаса.

– Нам очень нужна твоя подруга, Лисс, – ответил орангутан. – Рано или поздно мы до неё доберёмся, однако ситуация складывается так, что чем раньше – тем лучше. Только поэтому мы готовы идти на сделку.

– Вы говорите о Джире?

– Нет, я говорю о Бри.

– О Бри? – удивилась шаса.

– Я говорю о девушке по имени Марина Брич, полукровка, наполовину эрлийка, предпочитает, чтобы её называли Бри.

– Я знаю, о ком ты говоришь, – перебила орангутана Лисс.

– Удивлена?

– Ещё как. – Девушка помолчала. – Я думала, вам нужно снести знамя сопротивления. То есть – Джиру.

– Джира, несмотря на доставляемые неприятности, не является большой проблемой, – ответил Схинки. И плавно поменял позу: уселся в кресле прямо и чуть подался вперёд. – Джира двигается понятными нам шагами и потому относительно предсказуема. Она даже полезна, подсвечивая ненадёжные и потенциально ненадёжные связи и структуры Тайного Города. Рано или поздно мы это знамя снесём, но в данном случае «рано» не сильно отличается от «поздно».

– Что же такого сделала Бри, что вы ставите её на первое место?

– Она нам нужна. – Тон орангутана чётко сказал, что уточнения не предполагаются. И другая цена не предполагается. – Мы договорились?

– Мы ещё думаем.

– Не уверена в себе?

– Не могу решиться, – призналась шаса.

– Странно, что ты не подготовилась к встрече.

– В каком смысле?

– Не пришла с готовым решением.

– Не согласилась на любые условия?

– Я ещё не сказал, чего хочу.

– Да! – Только сейчас Лисс сообразила, что имеет смысл продолжить деловую часть беседы. – Чего ты от меня хочешь? Чего конкретно?

– На твоё усмотрение. – Схинки чуть шевельнул пальцами правой лапы. – Идеальным для нас вариантом стал бы захват Марины Брич, однако мы понимаем, что это весьма нетривиальная задача, и готовы оказать тебе посильную помощь, считая, что помощь входит в пакет сделки. Нас устроит, если ты её захватишь и передашь нам, нас устроит, если ты наведёшь нас на неё, в конце концов, нас устроит, если ты её убьёшь, но в этом случае потребуются абсолютные гарантии её смерти и книга «Тёмные церемонии», которая сейчас находится у Марины Брич.

– Даже так?

– Что именно? – не понял орангутан.

– Вас устроит её смерть?

– Это не самый оптимальный для нас результат сотрудничества, и мы им удовлетворимся только в том случае, если ты принесёшь книгу. Это древний рукописный том в переплёте синего цвета... Читаешь на старонавском?

– Нет, конечно.

– В таком случае, просто неси нам все синие книги, которые найдёшь у Марины Брич.

Лисс слабо улыбнулась.

– Но, если честно, я не думаю, что у тебя получится её убить, – закончил Схинки.

– Бри настолько сильна? – уточнила шаса.

– Да, – коротко ответил орангутан.

«И судя по всему, вы её или боитесь, или опасаетесь...»

Это открытие крепко удивило девушку: Лисс была уверена, что из их троицы наибольшую ярость Консула и Внутренней Агеи вызывает Джир – яркая белокурая красавица, самая перспективная боевая ведьма Зелёного Дома, открыто бросающая вызов новому порядку. А она, оказывается, «предсказуема и понятна». Зато Бри заставляет себя бояться...

«Во что же ты вляпалась, подруга?»

В следующее мгновение шаса вспомнила их последнюю встречу, во время которой Марина не выглядела только что пережившей покушение на свою жизнь, была лёгкая странность в движениях, но в целом выглядела привычно хорошо. Однако Лисс почти сразу отогнала воспоминание, заставив себя вновь сосредоточиться на разговоре.

– Мы договорились?

– Да, Схинки, мы договорились, – медленно, негромко, но твёрдо ответила девушка, прекрасно понимая, что её могут записывать на видео – и, скорее всего, записывают.

– Мы договорились, – очень серьёзно повторил орангутан и взял со стола карандаш. – Не против, если я задам несколько вопросов?

– Конечно... задавай.

Лисс думала, что помощник Консула собирается записывать ответы, однако Схинки стал вертеть карандаш в руках. Точнее, в лапах.

– Как ты с ней рассталась?

– Честно говоря – плохо, – не стала скрывать Лисс. – Я была не в себе и обвинила Бри в том, что вы захватили Дориана.

– Что, в общем, соответствует действительности: она не успела приехать и поддержать вас.

Девушка постаралась пропустить замечание орангутана мимо ушей.

– Я накричала на неё, Бри ушла в портал, и больше мы не виделись.

– Она не сказала куда собирается?

– Нет. Мы... мы были несколько на взводе и... И не особенно думали о будущем. Скорее, переживали случившееся.

– Понимаю, – пробормотал Схинки. Мало кому удаётся выйти из сражения, сохранив абсолютное спокойствие. – Сейчас Марина Брич тебе доверяет?

– Не знаю, – честно ответила Лисс. – Она наверняка понимает, что я орала, потому что была в жутком эмоциональном состоянии. И ещё понимает, что нам всё равно придётся общаться... Но доверяет ли... Не знаю.

– Разрыва не было?

– Нет.

– То есть она тебе скорее доверяет?

– Ну, один шанс у меня точно есть, – подумав, произнесла шаса. – А дальше всё будет зависеть от того, насколько хорошо будет организована засада. Уверена, я смогу придумать что-нибудь неожиданное, чему Бри не сможет противо-

стоять.

– Боюсь, что это весьма самонадеянное заявление, – вздохнул орангутан. И повторил: – Марина Брич необычайно сильна.

– У меня нет ни шанса?

– Я бы на твоём месте не рисковал.

– Понятно... – Лисс помолчала. – А если я выдам Бри вам, но вы не сможете с ней справиться?

– В этом случае всем нам будет всё равно, что будет дальше.

– То есть ты допускаешь, что Консул не сможет с ней справиться?

Отвечать орангутан не стал – молча кивнул, глядя девушке в глаза.

– Да кем она стала?

Схинки положил карандаш на стол и прокатил, прижимая ладонью.

– Я могу рассказать тебе всё, что знаю о Марине Брич, но эта информация должна остаться между нами.

– Даю слово... – начала Лисс, но орангутан её перебил:

– Недостаточно. Только если ты готова подтвердить своё слово закланием обещания.

«Ого!»

Даже их сделку Схинки не потребовал скреплять настолько прочными узами. С другой стороны, в сделке орангутан чувствовал себя уверенно – ведь Дориан в клетке и находит-

ся в полной власти Консула, а информацию о новых возможностях Бри они хотят сохранить в тайне.

– Заклятие на смерть?

– Да.

Могла бы не спрашивать.

Лисс покусала губу.

– Мне нужно одно исключение.

– Не понял? – нахмурился Схинки.

– Я ещё не настолько хорошо разобралась в тайнах магии, как мне бы хотелось, – ответила девушка. – У меня есть помощник – Киви. Ты его знаешь – он прилетал в подземелья Солянки.

– Видел на записях, – кивнул орангутан, не став уточнять, что именно белый попугай нанёс финальный удар, взорвав череп птицы Какнис. – Хочешь включить его в закливание?

– Он мне помогает.

– Условия ты знаешь, – после короткой паузы ответил Схинки. – Если он откроет рот, точнее, клюв – ты умрёшь.

– Договорились.

– Ты настолько ему доверяешь?

– Надо ведь кому-то доверять.

– Тебе виднее, – рассмеялся орангутан. И протянул вперёд правую лапу, на раскрытой ладони которой лежали две маленькие чёрные фигурки.

Лисс без колебаний накрыла ладонь обезьяны своей и громко произнесла:

– Я клянусь своим сердцем, что поделюсь полученной от тебя информацией только с Киви. И клянусь своим сердцем, что он никому ни о чём не расскажет.

Фигурки впились в ладони, связывая Схинки и Лисс старинным магическим ритуалом, разорвать который не могли даже самые сильные маги Тайного Города.

– Я беру твоё слово, Лиссет, а если ты или Киви нарушите обещание – я возьму твою жизнь.

– Мы договорились, Схинки.

– Мы договорились, Лиссет.

Девушка положила свою фигурку в карман. Вторую орангутан поставил на стол. В них не было особенной необходимости, они служили напоминанием о заключённом договоре, не более. Не позволяли забыть, что если обещание будет нарушено – сердце Лисс разорвётся.

– Теперь, когда мы обо всём договорились, я расскажу тебе, как изменилась твоя подруга – по нашим оценкам, и кем она теперь стала. – Схинки раскрыл ноутбук и жестом велел девушке пересесть ближе к экрану. – Это поможет тебе понять, с кем ты имеешь дело, и подготовиться к встрече.

Дом отдыха «Легендарный»

Санкт-Петербург, Курортный район

«Даже не будь Бри доктором, она бы точно знала, что дело плохо: голова разбита, рваные раны, внутреннее кровотечение, проколота печень... С такими ранами не выжи-

вают.

«Вот и всё...»

Захотелось заплакать. Не столько от жалости к себе, сколько от мысли, что она ничего не успела. Ни отомстить, ни помочь друзьям, ни насладиться обрётённой силой. Со всем ничего не успела, и её потрясающая тайна...

«Обрати живое в неживое!»

Бри вздрогнула. Откуда взялся голос? Кто с ней говорит? Она сама – вспоминая то, что успела изучить, или же пришла на помощь сила?

«Обрати живое в неживое. Мёртвое, которым ты управляешь, может стать твоей частью. Вспомни слова, которые ты читала, но не запомнила. Часть тебя уже мертва, Бри, используй это».

В голове шум. Шок проходит, и накатывает боль. Пока прорывается яростными всплесками, но вскоре вцепится по-настоящему, и она превратится в визжащее, страдающее мясо... И будет поздно что-то предпринимать... Если цепляться за жизнь, то только сейчас...

«Часть меня мертва, но я – ещё нет. Я жива и могу управлять мёртвым, тем мёртвым, которое было моей частью. Я сумею. Я смогу. Всё, что нужно, – вспомнить правильное слово... Для того чтобы жить, нужно правильное слово... – Бри перекатилась на спину и тяжело задышала. – Слово! Нужно правильное слово!»

– Что она делает?

– У неё шок!

– Она хочет вытащить железку!

– Помешайте ей...

Поздно. То ли они не успели, то ли не рискнули прикасаться к перепачканной кровью девушке, то ли были слишком заняты, снимая умирающую девушку на видео, но они не успели: Бри выдернула из печени штырь и взвыла от боли...»

Взвыла от боли... И проснулась от неё же – от боли. Проснулась от боли, которой давно нет, которую давно пережила, но продолжала испытывать едва ли не каждую ночь. Проснулась, громко и страшно взыв, дрожа всем телом, мокрая от пота, с искусанными в кровь губами и слезами на глазах.

Проснулась...

«Проклятые сны!»

Раньше Марина часто видела во сне смерть матери. Неожданную, нелепую смерть, случившуюся у неё на глазах. И просыпалась, крича от горя и бессилия. Просыпалась от ненависти к тем, кто стал пусть и косвенной, но причиной смерти последнего близкого члена семьи. К тем, кто уничтожил её семью. Теперь же девушка просыпалась, видя во сне собственную... смерть.

Смерть?

Другого слова не находилось.

Даже сейчас, спустя несколько дней после нападения чудов, Марина не могла понять, действительно ли она прошла через... смерть? И не находила ответа в повторяющихся кошмарах.

«Неужели я настолько впечатлительная?»

Получается – да, и если раньше, до того, как в её руки попали «Тёмные церемонии», Бри принимала свою впечатлительность как должное: нет ничего удивительного в том, что молодая девушка, которой пришлось много чего пережить в течение короткого промежутка времени, тяжело это восприняла и стала очень эмоциональной, то теперь она слегка удивляла. Девушка думала, что вместе с силой обретёт уверенность в себе, но этого не случилось – восприятие стало тоньше, а главное – острее. Теперь Бри переживала происходящее полнее, ярче, ощущала сон всей собой, и эта новая восприимчивость как будто намекала: «Ты не просто видишь кошмары – ты стала чувствовать мир иначе».

– Ты сделала много, но впереди тебя ожидает ещё один шаг. Очень важный. Самый главный в жизни.

– Кто это сказал?

Фраза прозвучала настолько отчётливо, что девушка решила, что в квартире каким-то образом оказался посторонний.

– Джузи! – Она подскочила с кровати и встала в угол, заняв оборонительную позицию. – Джузи!

– Хозяйка.

По ночам голем занимал своё место в прихожей, что служило гарантией того, что через дверь в квартиру никто не войдёт. Во всяком случае – не войдёт без проблем. Кроме того, голем отличался отменным слухом, отслеживал все звуки, и можно было не сомневаться, что через окно злоумышленники тоже не пройдут. Во всяком случае – незамеченными.

– Джузи, у нас гости?

Некоторое время голем обдумывал вопрос, после чего бесстрастно поинтересовался:

– Когда?

– Сейчас.

– Нет.

Ответ позволил Бри слегка расслабиться – чутью своего искусственного компаньона она доверяла абсолютно. Она тихонько выдохнула, подумала, вернулась в кровать, уселась на подушку и натянула на себя простыню.

– А раньше?

– Когда?

– Когда я спала.

На этот вопрос Джузи неожиданно ответил вопросом:

– Ты поэтому кричала?

– Один раз.

– Три.

– Три? – удивилась Бри.

– С интервалом в один час.

«Получается, мне трижды снился этот чёртов сон? Но запомнила я только последний? Или три кошмара слились в один?»

Девушка взяла с тумбочки бутылочку воды и сделала маленький глоток.

– Когда я кричала, ты проверял, что происходит?

– Да, хозяйка, я заходил в спальню.

Поскольку расценивал крики, как признак экстренного случая – просто так входить в спальню Марины голему за-прещалось.

– И?

– Когда я заходил, ты всегда лежала спокойно.

– Всегда?

– Всегда.

– И не кричала?

– Видимо, я всегда опаздывал.

– То есть я кричала коротко?

– Один раз, но очень горький.

Всё правильно, так она и запомнила.

– Часто я кричу?

– Каждую ночь, хозяйка.

– Почему ты мне не говорил?

– Ты не спрашивала.

Она бы и сегодня не спросила, не услышь посторонний голос... Голос! Марина могла поклясться, что слышала чу-

жой голос. Это не было частью сна – он прозвучал. Однако голем, несмотря на обострённые органы чувств, ничего не заметил. Или не замечает.

При мысли, что «не замечает», Бри стало зябко – ведь магическое сканирование тоже ничего не выявило.

А голос прозвучал!

– Когда ты заходил ко мне, видел что-нибудь подозрительное?

– Когда? – привычно осведомился Джузи.

– Сегодня.

– В чём подозрительное?

Мозги у голема были самого высокого класса, лучшими из тех, что можно было достать в Тайном Городе, но всё равно искусственными, и Бри попыталась упростить вопрос:

– Замечал что-нибудь странное?

– Какое странное?

Упростить не получилось.

– Что ты видел в спальне кроме меня?

– Мебель.

– Больше никого?

– Нет. – Голем поразмыслил, возможно, разглядывая внутренним взором слоты долговременной памяти, после чего выдал: – Но ты была в тёмном облаке, хозяйка.

– В чём? – нахмурилась Марина.

– В тёмном облаке. – Джузи помолчал, а затем выдал фразу, которую Бри совершенно от него не ожидала: – В тёмном

облаке своей силы.

И что это значит?

Девушка привыкла к тому, её новая сила абсолютно незаметна, как, собственно, любая другая магия, и видна окружающим лишь в те мгновения, когда энергия трансформируется в нечто зримое и вещественное: «эльфийскую стрелу», «дыхание дракона» или сотканный из ничего алмаз. И потому сообщение голема вызвало у Марины некоторое замешательство.

– Все три раза в облаке?

– В третий раз я не входил, потому что услышал, что ты проснулась.

– А два предыдущих?

– Да. В облаке.

«В тёмном облаке своей силы...»

Бри не испугалась услышанного, ну, может быть, в первое мгновение... чуть-чуть... от неожиданности. Голоса она испугалась, потому что слышала сама и была уверена, что ей не померещилось, а сообщение о том, что во время сна её окружает тёмное облако, скорее просто вызвало интерес и желание разобраться в происходящем.

«Не из-за него ли я вижу кошмары?»

– Джузи, у тебя есть телефон. Если... – Девушка сбилась. – Когда я в следующий раз закричу во сне, войди в спальню и сними происходящее на видео.

– Тебя и облако?

– Меня, облако и спальню.

– Да, хозяйка. Я понял.

– Вот и хорошо. – Бри поднялась с кровати – совершенно не стесняясь присутствия Джузи, – потянулась, после чего набросила на плечи лёгкий халат.

– Сделай мне завтрак. Хочу яйцо пашот... два. И кофе.

– Да, хозяйка.

Голем отправился на кухню, а Марина – в душ.

В Санкт-Петербург Бри перебиралась наспех, бросив абсолютно всё, начиная от зубной щётки и заканчивая сбережениями, которыми нельзя было пользоваться, чтобы не дать охотникам чёткий след. Едва придя в себя после нападения чудов, Марина построила портал в условленное место, встретила там Лисс, коротко переговорила с ней, с удивлением и некоторой обидой поняла, что подруга обвиняет её в пленении Дориана, не стала ничего рассказывать о своих проблемах и скрылась, позаботившись о том, чтобы тщательно замести следы. Бри догадывалась, что эпизод с нападением чудов наверняка зафиксировали уличные видеокамеры и запись будет внимательно изучена во Внутренней Агеме, магов которой наверняка заинтересует, как девушке удалось выжить. И когда они сообразят, что классическая магия ей в этом помочь не могла – начнётся охота.

Марина просчитала, что станет для Консула главной целью, забрала у шасов Джузи и сбежала, но, оказавшись в чужом городе и немного отдышавшись, девушка поняла, что просто унести ноги было самой простой и легковывполнимой частью плана. А самое интересное началось сейчас, когда Бри сообщила, что не может пользоваться своими настоящими документами, а по соображениям безопасности нельзя запрашивать в «ШасьПринт» комплект фальшивых – о них мгновенно станет известно или Внутренней Агеме, или Тёмному Двору. Пришлось выбросить мобильный телефон, перестать пользоваться карточкой и даже классической магией, поскольку возмущение магического поля можно отследить. На это, конечно, требуются грандиозные ресурсы, которые Агема вряд ли бросит на поиски беглянки, но неподатлёку мог случайно оказаться верный Альянсу маг и почувствовать работающее заклинание. Марина не хотела лишней раз рисковать и потому решила использовать «классические» способности и артефакты только в самом крайнем случае. Приказала себе на время позабыть о привычном комфорте, стиснула зубы, понимая, что на поддержку в чужом городе рассчитывать не приходится, и стала думать, как из всего этого выпутаться.

И выпуталась.

Начать Марина решила с финансов, разумно рассудив, что «будут деньги – не понадобятся документы». А добыть наличные без применения магии девушка не могла – это бы-

ло её единственное преимущество в недружелюбном мире. Однако магию следовало использовать аккуратно, чтобы чёлы не поняли, что столкнулись с необъяснимым – в этом случае визит агентов Службы утилизации, а затем – факторов Внутренней Агемы практически гарантирован, или поняли, но не сразу, а когда Марине станет плевать на их догадливость. Приняв во внимание все эти факторы, девушка решила обчистить банковские ячейки, благо большинство владельцев навещает свои богатства не слишком часто. Добралась до ближайшего отделения солидного банка – чтобы не уйти с пустыми руками, пришлось выбрать достаточно большое и находящееся в центре, дождалась, когда клиенты направятся в хранилище, набросила морок – без него никак нельзя было обойтись, – прошла вместе с посетителями, и пока они занимались своими делами, вскрыла и опустошила пять ячеек, выбирая только те, в которых лежали пачки наличных – тут ей пригодилось магическое умение смотреть сквозь преграды. Затем сообразила, что аккуратно вскрывает и закрывает ячейки своим новым умением, а значит, может и из сейфа выйти с его помощью, и не ушла с посетителями, продолжая набивать деньгами большую спортивную сумку. Которую потом пришлось тащить безропотному Джузи.

Заполучив в своё распоряжение весьма внушительную сумму, Бри почувствовала себя гораздо увереннее, но поскольку день подходил к концу, других шагов предприни-

мать не стала: поужинала, сняла номер в небольшой гостинице на окраине – портье понимающе покосился на мощную фигуру Джузи, но промолчал, даже скабресную улыбочку не выдал, а за двойной тариф не стал даже спрашивать про документы. Комната оказалась на удивление чистой и тихой, что позволило Марине как следует выспаться, отдохнуть и наутро со свежими силами ринуться устраиваться на новом месте.

Для начала купила чемодан и кое-какую одежду, не потому что ей требовалось, хотя ей требовалось, а потому что девушка без багажа выглядит куда сомнительнее девушки с багажом. Купила новые телефоны – себе и голему, наняла машину с шофёром, изучила существующие на рынке предложения и отправилась в Курортный район, решив, что в её положении лучше ориентироваться не на квартиру в городе, а на тихий дом подальше от посторонних глаз. Выбрала дом отдыха – не очень большой, но не маленький и старый, располагающий не только большим корпусом, но и стоящими вдоль берега домиками, отыскала нужного чела из администрации, и после коротких переговоров, большую часть которых заняло определение размера гонорара, Бри заполучила в своё распоряжение небольшой коттедж на берегу, разумеется, без всяких документов. Устроившись, Марина заказала доставку необходимых вещей, в том числе – компактной, работающей от аккумуляторов дробилки для веток, и следующей ночью отправилась с Джузи на кладбище – один

из работников с радостью сдал девушке в аренду подержанный, но сносно бегающий внедорожник, в багажник которого без труда поместилась дробилка. Затем Бри отсыпалась и отдыхала, и лишь теперь, приняв душ, позавтракав и выйдя с чашечкой кофе на террасу, всерьёз задумалась о том, что делать дальше.

И помрачнела, сообразив, что оставила одну из могил неубранной.

– Ладно, будем надеяться, что в Тайном Городе не обратят внимание на мелкий случай в провинции.

А если обратят – пусть попробуют её отыскать.

А если отыщут...

Марина улыбнулась. Плохо улыбнулась. Немного зло.

Если отыщут – пусть попробуют ей что-нибудь сделать.

«Со мной лучше не связываться».

Это было не бахвальство – это был факт.

Встречи с недругами девушка больше не боялась, знала, что справится, однако сила, даже такая мощная, хороша при грамотном применении, и Марина поняла, что должна подумать над стратегией.

«Я слишком сильна, чтобы сражаться за чужие интересы».

Мысль пришла в голову неожиданно. И мысль... понравилась. Показалась яркой и значимой. Ведь она действительно сильна, колоссально сильна даже по меркам Тайного Города.

Она...

– Я способна творить историю, – тихо, но очень уверенно

произнесла Бри, глядя на Финский залив. Наверное, так думал Пётр Первый... Нет, он был мужчиной. Наверное, так думала Екатерина Великая, которая тоже бывала здесь, пусть не в районе, который нынче называют Курортным, а в Петергофе, в Зимнем дворце, в Кронштадте. Она также смотрела на холодную даже летом воду, обозревала морскую даль и думала о том, что...

– Я способна творить историю. Могу по своему желанию менять мир. Не по прихоти, а по желанию. И если Екатерина была ограничена возможностями челов, то я способна выйти за эти рамки. Я уже вышла за эти рамки. Я очень далеко зашла.

Марина поставила полупустую чашку на стол, распахнула халатик и посмотрела на живот, на то место, которое всего лишь несколько дней назад было разорвано металлическим штырём. И под её взглядом бархатистая кожа потемнела до черноты и распалась на тончайшую чёрную пыль. На безжизненное Ничто, которое она, Марина Брич, наполнила жизнью. Все жуткие раны, полученные во время нападения чудов, были наполнены мёртвым чёрным Ничто, послушно принявшим волю девушки и обратившимся в жизнь. В её жизнь.

– Я – труп?

«Ты – настоящая жизнь...»

– Кто это сказал? – Марина резко обернулась, но никого не увидела.

Опять никого не увидела, хотя могла бы поклясться, что голос не почудился, не померещился, не прозвучал в голове. Могла дать руку на отсечение, что фразу произнёс некто, стоящий за её плечом.

***Клуб особых интересов «Каменная мойка»
Санкт-Петербург, набережная реки Мойки***

Гранни никогда не обсуждала приказы Консула и не сомневалась в них. Обдумывала – да, обдумывала, позволяла себе давать советы по тактике исполнения, если считала, что предлагается неудачный план действий, однако сама суть приказа для неё всегда была непререкаема. Если Консул решил, что это нужно сделать, – это нужно сделать.

Но иногда девушка ловила себя на мысли, что ей не нравится поставленная задача. Что в глубине души она не согласна с требованиями Консула и внутренне противится их выполнению. При этом, безусловно, исполнит, точнее, приложит все усилия, чтобы добиться нужного результата, не посмеет даже подумать о том, чтобы отнестись к заданию спустя рукава, но не обрадуется, когда всё получится. А ещё случалось, что распоряжение Консула звучало настолько широко, что его можно было трактовать абсолютно по-разному. Такие приказы отдавались редко, Гранни почти не сомневалась в том, что таким образом Консул проверяет её, однако не боялась этого и всегда в таких случаях поступала так, как считала правильным.

Она считала.

Жёсткое требование немедленно наказать беженцев из Тайного Города относилось именно к таким приказам – широким, допускающим разные трактовки. Девушка прекрасно понимала, почему Консул захотел проучить беглецов – ведь они, получается, посмеялись не столько над ней, сколько над ним. Гранни и сама задыхалась от бешенства, когда человеческие спасатели вытащили её, униженную, из холодной Невы. Она хотела отомстить, но...

Оставался вопрос – как?

Приказ прозвучал достаточно понятно – наказать! Но одновременно – расплывчато.

А уточнять ди Атура не стала, потому что не хотела услышать, что именно Консул понимает под «наказать», не хотела, чтобы он удивлённо поднял брови и небрежно ответил: «Убить, разумеется». Потому что в этом случае обратного пути не будет. Никакого пути не будет, и расправа над беженцами останется на её совести.

«А мне бы этого не хотелось...»

Мысль пришла неожиданно. Мысль показалась немного странной. Однако ди Атура не стала её прогонять. Потому что поняла, что это её мысль – настоящая, идущая от сердца. Она не хочет убивать, называя убийство – наказанием. В бою – пожалуйста, но не за дурацкую выходку.

«Кажется, я начинаю уставать от крови... – Гранни вздохнула и грустно улыбнулась пришедшей в голову шутке: – Хо-

рошо, что я не вампир...»

Оказавшись далеко от дома, жители Тайного Города повели себя по-разному. Одни предпочли уехать подальше и зайти, сведя к предельному минимуму контакты с соплеменниками, и выжидали, чем всё закончится. Другие не особенно скрывались, не видя ничего дурного в том, что приходится проводить время на чужбине, и стремились проводить больше времени с такими же, как они, беженцами. В Санкт-Петербурге, где, так уж получилось, сформировалась одна из самых больших диаспор вынужденных переселенцев, центром притяжения для них стало заведение «Каменная мойка», которое держал давным-давно переехавший в Северную столицу Орций Чейз – добродушный, абсолютно лысый толстяк, обожающий, как все концы, дорогие украшения и яркие цвета в одежде. «Каменную мойку» он держал для души, то есть для туристов из Тайного Города, которые частенько навещали Санкт-Петербург в обычное время, и её возросшую популярность воспринял философски: «Жаль, конечно, что причина притока клиентов достаточно грустная, но выбирать не приходится – будем делать на них деньги...» Нет, цены на меню и бар конец не поднял, зато позаботился о том, чтобы гости могли расслабиться и окунуться в привычную атмосферу: блюда из привычных ресторанов Тайно-

го Города, артисты и шоумены, а главное – постоянные новости и их обсуждение без всяких купюр. Схинки, разумеется, знал о заведении и разговорах, которые в нём велись, но не трогал, здраво рассудив, что пусть лучше беженцы выпускают пар в известном месте, чем прячутся по углам, скрываясь под «навскими берегами».

– Сегодня приехал? – поинтересовался чел-наёмник у подсевшего к барной стойке шаса.

– Ага, – подтвердил тот. – Заметно?

– Ты оглядывался.

– Искал своих.

– Скоро подтянутся. – Наёмник протянул руку: – Шторм.

– Харак Хамзи.

– Очень приятно.

– И мне приятно.

В обычное время их знакомство вряд ли состоялось бы с такой лёгкостью – шасы предпочитали надёжные рекомендации, но обстоятельства заставили Хамзи изменить привычному укладу: сейчас они все были беженцами.

– Если не секрет: почему Питер?

– Не хочу из страны уезжать, – ответил Харак, изучая выставленные на полках бутылки.

– Бизнес?

– Настроение.

– Здесь нас легко достать.

Шас на пару мгновений замер, перестав водить взглядом

по бутылкам, после чего буркнул:

– Но ты ведь здесь.

– Э-эээ... да, – подтвердил наёмник.

– Тогда чего ты мне мозг выносишь? – Хамзи наконец-то отыскал полку с коньяками и сосредоточился на ней. – Ну, достанут они нас, и что сделают?

Чел промолчал.

– Ничего не сделают, – продолжил шас. – Потому что ему нужно, чтобы мы вернулись. И нам, говоря откровенно, тоже это нужно, потому что заведения, в которых «всё как дома»... – Он окинул взглядом большой зал «Каменной мойки». – ...никогда не заменят дом.

– И мы вернёмся?

– Рано или поздно.

– Тогда зачем ты уехал? – неожиданно спросил Шторм. – Там ведь вроде тихо?

– «Там» – это дома? – уточнил Хамзи, указывая бармену на выбранную бутылку.

– Да, «там» – это дома.

– Я уехал, потому что там обязательно станет шумно, – ответил шас. – Мне казалось, это очевидно даже для... – Здесь должна была прозвучать привычная для подданных князя Тёмного Двора «шутка» об умственных способностях тех, кто не являлся подданным князя, однако Хамзи её проглотил и заменил нейтральным: – В общем, для всех очевидно.

– Ждёшь большую драку?

– Не сомневаюсь, что она будет. – Шас понюхал коньяк, улыбнулся и сделал маленький глоток. – Великолепно.

– Как думаешь, кто кого одолеет?

– В истории Тайного Города не было случая, чтобы Великие Дома бросили вызов господствующей расе.

– А всё-таки? – настырно продолжил Шторм. – На твой взгляд?

Сомнительно, что такой вопрос незнакомому собеседнику наёмник задал из чистого любопытства. Или в его задачу входит «прощупывание» новичков, чтобы живущие в Питере беженцы примерно представляли их отношение к происходящему: то ли работает на Внутреннюю Агему, или и то, и другое вместе. Поэтому ответил Хамзи уклончиво:

– Я не думаю – я жду. – Сделал ещё один глоток коньяка, увидел в барном зеркале что-то интересное, повернулся к входной двери и полюбопытствовал: – А эти недомерки часто сюда заглядывают?

Казалось бы, зачем нужны не очень функциональные и уж точно не особенно сообразительные големы, если всё, что они могут, опытный маг способен сотворить с помощью арканов? Нанести мощный удар или скрутить противника, обездвижить его, доставить в нужное место и обыскать. И всё – не слезая с дивана. Когда классическая магия

вышла на пик развития, горячие головы принялись наперебой заявлять, что время «обыкновенных» воинов и уж тем более – големов прошло, и теперь исход любой войны будут решать только обладатели колдовских способностей. В целом их аргументы были понятны и могли произвести впечатление на невзыскательную публику, очарованную демонстрируемыми чудесами. А вот специалисты в области военного дела качали головами и негромко, а главное без ехидства интересовались, как собирается выпутываться маг, если противник ударит по самому заклинанию, обратив рабочую функцию в краткое возмущение магического поля? Или выжмет из колдуна энергию «навским арканом»? Или заблокирует её действие наведённым искажением... Пик развития классической магии привёл к появлению множества заклинаний «неявного боевого применения», которые с лёгкостью крушили красивую теорию «Всепобеждающего волшебника». Воевать не слезая с дивана не получилось, и на поля сражений вернулись «обыкновенные» воины. Впрочем, они их никогда и не покидали. А подготовка воина – хорошего, опытного, умелого – всегда занимала изрядное время, терять их было жалко, и потому Великие Дома вновь вернулись к промышленному производству големов, в том числе – боевых. Особенных успехов в этом направлении добился Тёмный Двор: навы традиционно берегли друг друга, предпочитая выставлять в первые ряды големов, наёмников, вассальные племена – кого угодно, только не своих.

Однако у големов, при всех их неоспоримых достоинствах, был и существенный недостаток – разум. Точнее, практически полное его отсутствие.

Несмотря на все старания, создать для кукол полноценный мозг не получилось даже у эрлийцев. Хотя... смотря что называть полноценным. Мозги для големов-убийц, вроде псевдопауков, варанов и другой опасной живности, у магов получались отлично, поскольку в них был задействован простейший алгоритм: этих ищи, убивай, этих не трогай, а этим подчиняйся. Всё остальное строилось на инстинктах. А вот со сложными мозгами в Тайном Городе не складывалось, и даже у лучших мастеров «куклы» получались туповатыми, плохо обучаемыми и способными лишь на элементарные действия. В результате големы всегда использовались в качестве вспомогательных или штурмовых сил – когда требовалось атаковать противника в лоб, не считаясь с потерями.

Однако некоторое время назад Консул разработал уникальную и до сих пор никем не скопированную технологию временного переноса сознания оператора в «перса» – так на сленге называли оснащённых специальными мозгами големов, – чтобы пользоваться искусственным телом как собственным. В результате получались бойцы, сочетающие в себе лучшие качества «кукол» – сила, выносливость, нечувствительность к боли, скорость – и разум профессионального военного.

Гранни ди Атура – помимо всего прочего – возглавляла

этот боевой отряд, лично отбирала и тренировала операторов и неоднократно воевала, заслужив полное доверие Консула. В распоряжении девушки находился огромный парк «персов», способных решать самые разные задачи, и ей оставалось лишь выбрать тех, которые наилучшим образом подходили для наказания беженцев. А заодно тщательно – и очень жёстко – проинструктировать операторов, чтобы они ни в коем случае не увлеклись и не вышли за рамки дозволенного. Поскольку выбранные ди Атурой «коротышки» только с виду казались забавными...

– А здорово мы сегодня посмеялись над той дурой, да? – Плечистый Любослав магией не владел – в Зелёном Доме способности проявлялись исключительно у женщин, в экзекуции участия не принимал, наблюдал за ней с Заячьего острова, но радовался ей как ребёнок. – Будет знать, как приезжать в Питер!

– Не думаю, что здорово, – проворчал в ответ Орций. – Нельзя так зло шутить над женщинами, тем более – над ведьмами.

– Может плохо кончиться?

– Это всегда плохо заканчивается.

– Есть опыт?

– Только чужой.

Маленькие, лысые, но жизнерадостные концы пользовались у женщин невероятной популярностью – в этом им помогала семейная тайна, – но никогда не допускали в отношении представительниц прекрасного пола даже намёка на невежливость. Возможно, это было частью семейной тайны, но они прекрасно представляли, чем может закончиться сегодняшнее шоу.

– Она работает на Консула, – напомнил Любослав.

– Это не повод так с ней обращаться.

– Неужели?

– В бою – пожалуйста, – твёрдо ответил конец. – В бою всё иначе, и ты можешь применять любые методы, даже самые подлые. Но издеваться над женщиной – моветон.

– Боишься, что она отомстит?

– И это тоже, – не стал отрицать Орций. – Но и в целом – некрасиво.

– А служить Консулу красиво? – Любослав явно начал горячиться. – Машар красиво поступил, когда предал всё, что должен был защищать, и встал под знамёна Альянса?

– Машар никого не предавал, – заметил сидящий неподалёку чуд. – Орден признал Альянс.

– Тогда что ты здесь делаешь? – поинтересовался Любослав.

– Ходят слухи, что Машар не просто так пошёл в Агему. – Орций увидел разгорающиеся страсти и поспешил вернуться в разговор. – Потому его и арестовали.

– Никто не знает, за что его арестовали, – отозвался Любослав.

– Говорят, что-то связанное с событиями в подземелье.

– Много чего говорят...

О командоре Машаре действительно говорили много, и хорошего, и плохого. Его переход на службу во Внутреннюю Агему наделал много шума, а неожиданный арест – ещё больше. Подчинённые Альянсу медиа Тайного Города по каким-то причинам вычеркнули эту странную историю из повестки, однако независимые каналы подогревали к ней интерес, заставляя обывателей обсуждать и пытаться объяснить случившееся с Дорианом.

– Правды мы всё равно никогда не узнаем...

– Может, и узнаете, – громко произнёс первый «коротышка», и все присутствующие повернулись к входным дверям.

Вообще все: тем, кто не расслышал заявление, на «перса» указали друзья. Пришлось указать, потому что роста в «коротышках» было не более четырёх футов, но, несмотря на это, выглядели они весьма опасными: плотные, мускулистые, подвижные, они остановились у входной двери, но не замерли, а слегка подрагивали, переминались от переполняющей их энергии. И они весьма недружелюбно смотрели на гостей «Каменной мойки».

– Сегодня днём кое-кто из вас... не стану говорить кто, хотя все знают, что среди них был чел-наёмник Штурм... Так вот: сегодня днём вы оскорбили девушку, а значит, оскор-

били того, по чьему приказу девушка оказалась в Санкт-Петербурге. К счастью для себя, вы обошлись без насилия, поэтому наказание не будет слишком жестоким – вам просто напомнят о хороших манерах.

В первый момент – после того, как прошло удивление, появление чужаков вызвало смех, а их заявление – иронию. Лидер «коротышек» ещё не договорил свою речь, а по залу уже летел весёлый шёпот:

- Какие забавные.
- Прикольные, ага.
- Надо будет прикупить таких детям.
- Он это серьёзно говорит?
- Он считает, что да.
- Кто-нибудь, выкиньте отсюда это чучело и давайте продолжим отдых...

– Не получится выкинуть, – тихо сказал шас, отставляя опустевший бокал. – Пространство искажено, и мы не сможем применить магию.

И только сейчас до посетителей «Каменной мойки» стало доходить, что посланцы Консула хорошо подготовили визит и все их шаги – даже выбор странных «недомерков» – тщательно продуманы.

– Скажите, пожалуйста, – жалобно протянул Орций, догадывающийся, чем всё закончится. – А можно напомнить о хороших манерах не в помещении, а, например, на улице? Сегодня чудесный вечер...

– К сожалению, нет. – Лидер «коротышек» улыбнулся, и они прыгнули.

Без подготовки. С места.

Они выглядели опасными и действительно такими оказались: быстрыми, резкими, ловкими и очень сильными. Возможно, не в столь превосходных выражениях, но для ослабленных посетителей заведения, лишённых возможности защищаться магией, «коротышки» стали серьёзными врагами. Скорость и подвижность – вот чем они брали. Не останавливались и не задерживались: прыгали, били – били всех подряд, без разбора, наказывая всех, кто оказался в заведении – отскакивали и вновь атаковали. Крушили и гостей, и мебель, доводя несчастного Орция до иступления, разбивали посуду и бутылки, превратили кухню в поле боя, но при этом не использовали оружия, никакого, даже ножей: избивали посетителей крепкими кулаками и только в одном случае сделали исключение: улучив момент, лидер «коротышек» подобрался к зазевавшемуся Шторму и от всей души врезал ему бейсбольной битой.

Глава 2

«Массовая драка на Мойке! Была или нет? Кто с кем дрался непонятно, владелец заведения отрицает сам факт потасовки, однако свидетели происшествия уверяют, что главный зал «Каменной мойки» был разгромлен полностью, а окровавленные посетители в ужасе выбегали на улицу. Однако прибывшие по нескольким вызовам полицейские нашли заведение в полном порядке и не смогли подтвердить рассказ свидетелей...» («ТАСС»)

«Жуткое побоище в Санкт-Петербурге! Боевики Внутренней Аге́мы совершили дику́ю акцию устрашения и бессмысленной злобы, разгромив известное заведение «Каменная мойка» и подвергнув жестокому насилию его посетителей. Нет никаких сомнений в том, что репрессии со стороны Внутренней Аге́мы будут нарастать...» («MG online»)

«Почему абонемент Службы утилизации – лучший? Потому что в этом случае вы получаете непрерывное круглосуточное обслуживание и твёрдо знаете, что ни в коем случае не нарушите режим секретности. Ярким примером выгодного приобретения абонемента следует признать историю, случившуюся сегодня в Санкт-Петербурге. Ссора между посетителями

«Каменной мойки» стремительно переросла в драку, которую заметили прохожие челы, у наших специалистов было всего несколько минут, чтобы скрыть следы происшествия, и они блестяще справились с задачей: восстановили действие арканов, профессионально выправив естественным образом возникшее возмущение магического поля, навели мощный морок, убедив чловских полицейских в неприкосновенности внутреннего убранства «Каменной мойки», обеспечили появление свидетелей, опровергающих показания очевидцев драки...» (

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.